

ИНЕССА ГОЛД

ПОПАДАНКА:
Репетиторша для сына
КНЯЗЯ!

Инесса Голд

Попаданка: Репетиторша для сына Князя!

<https://litres.ru/74535504>

Аннотация

Я потеряла всё в своем времени, но не позволю этому мальчику пропасть в чужом.

Я - кризисный психолог. Я привыкла вскрывать чужие души скальпелем современных протоколов и знаю цену человеческим травмам. Но когда удар шаровой молнии перебросил меня из современности в мрачную усадьбу 1888 года, мои дипломы превратились в прах.

Здесь я вынуждена носить чужое имя и играть роль бесправной гувернантки. Мой наниматель, князь Мирон Левашов - жесткий, прагматичный промышленник со стальной хваткой и взглядом человека, не верящего ни во что, кроме цифр и чертежей. Он требует от меня слепого подчинения и не понимает, что своими методами калечит собственного одиннадцатилетнего сына.

Князь думает, что нанял покорную серую мышь, которая будет падать в обмороки и трепетать от его голоса. Он фатально ошибся. Я не ношу удушающих корсетов, не рыдаю по углам и знаю о логистике, анатомии и человеческой психике больше, чем все его советники.

Между нами вспыхивает острая интеллектуальная дуэль, которая с каждым днем перерастает в пугающее, сжигающее притяжение. Но моя личность - фальшивка. За моей спиной плетут интриги столичные хищницы и влюбленный купец-миллионщик. И когда князь узнает правду о том, кто я такая, мне грозит каторга.

Но ради того, чтобы вытащить его сына из бездны, я готова бросить вызов суровому веку, законам Российской империи и самому князю. Если, конечно, мое собственное сердце не предаст меня первым.

В тексте есть: ✓# Адекватные, зрелые герои с жизненным опытом ✓# Властный, жесткий, но по-настоящему умный герой (никаких «бытовых инвалидов»!) ✓# Сильная героиня, которая берет власть разумом, а не платьями ✓# Трудный ребенок и тайны старого поместья ✓# Опасное противостояние характеров и любовный треугольник ✓# Глубокая драма, исторический реализм и выстраданная любовь

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	16
Глава 3.	26
Глава 4.	36
Глава 5. (Мирон)	46
Глава 6.	57
Глава 7.	68
Глава 8.	79
Глава 9.	88
Глава 10.	97
Глава 11.	105
Глава 12.	114
Глава 13.	122
Глава 14.	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Глава 1.

В моей профессии главное - не позволять чужому безумию стать твоим. Этому правилу я следовала пятнадцать лет. Когда каждый день вскрываешь нарывы чужих травм, вытаскиваешь подростков с того света и выслушиваешь исповеди, от которых у обывателя поседели бы волосы, собственная эмпатия атрофируется. Остается только голый профессионализм. Холодный скальпель медицинского протокола. Кризисная психология и дефектология не терпят сантиментов. Особенно когда твои клиенты - люди, привыкшие покупать всё, включая душевное здоровье своих искалеченных отпрысков.

Я сидела в отреставрированной библиотеке загородной резиденции современного олигарха Левашова и ждала своего нового пациента. Двенадцатилетний наследник строительной империи, тяжелое ПТСР, неконтролируемая агрессия. Обычный рабочий вторник. За огромными, от пола до потолка, окнами с климат-контролем бесновалась аномальная майская гроза. Дождя не было, но небо цвета запекшейся крови то и дело прошивали сухие, беззвучные за двойным стеклом молнии. Природа словно сошла с ума, но внутрь этот хаос не проникал.

Воздух в библиотеке казался стерильным. Умный дом поддерживал идеальные двадцать два градуса и заданную

влажность. Я скользнула взглядом по своему отражению в темном стекле: строгий темно-серый брючный костюм, ни грамма косметики, серебро седины в темных волосах, которую я принципиально не закрашивала. На ногах - удобные ортопедические лоферы. Женщина, которая слишком много времени проводит на ногах, чтобы тратить ресурсы на неудобные иллюзии вроде шпилек. Моя броня была идеальной.

Единственной аутентичной, не интегрированной в систему электронного управления вещью здесь был старинный напольный хронометр красного дерева. Он мерно, тяжело отсчитывал секунды, словно механическое сердце этого бездушного мавзолея книг. Владелец усадьбы гордился им как реликвией.

Внезапно вентиляционная решетка издала странный, хриплый звук, похожий на вздох больного человека. Сквозняк, которого просто не могло быть в герметичном помещении с умной вентиляцией, резко распахнул верхнюю фрамугу окна. Датчики тревожно мигнули красным.

То, что всплыло в комнату, не было похоже на дешевый спецэффект из фантастического кино. Никаких волшебных искр, сияющих порталов или ангельского пения. Просто плотный, гудящий сгусток плазмы размером с теннисный мяч. Шаровая молния. Она двигалась медленно, целеустремленно, оставляя за собой едкий запах озона и паленой проводки. Массивный металлический маятник хронометра

притянул ее к себе с неотвратимостью сверхмощного магнита.

Я даже не успела подняться из глубокого кожаного кресла. Мозг зафиксировал угрозу, но тело не успело среагировать.

Раздался сухой, оглушительный хлопок. Воздух в помещении мгновенно выгорел, больно ударив по барабанным перепонкам. Ударная волна швырнула меня назад, вместе с креслом. Последнее, что я помню - как тяжеленный дубовый стеллаж, вырванный с креплениями из стены, медленно кренится прямо на меня, заслоняя тусклый свет свинцового неба.

Затем последовала острая боль в левом плече, раздирающий звук ломающегося дерева, вкус железа на прокушенной губе и густая, непроницаемая темнота.

Возвращение в сознание не было похоже на классическое пробуждение ото сна. Оно обрушилось на меня грубым сенсорным сдвигом. Никаких картинок из прошлого или философских размышлений - только голая физиология.

Исчез запах дорогого кожаного кондиционера для мебели, исчез легкий аромат ионизированного воздуха. Вместо них в нос ударила тяжелая, застоявшаяся смесь запахов, от которой моментально запершило в горле. Пахло старым пчелиным воском, слежавшейся бумажной пылью, нафталином и... оружейной смазкой. Резкий, кисловатый металлический дух, которого просто не могло быть в доме современного бизнесмена.

Я попыталась вдохнуть полной грудью, но ребра сдавило. Сверху на мне лежало что-то неподъемное. Дышать приходилось мелко и часто.

Мозг кризисного дефектолога привычно отсек нарастающую панику, запуская базовый медицинский протокол самодиагностики. Черепно-мозговая травма? Я осторожно сглотнула - тошноты нет. Звон в ушах терпимый. Пошевелила пальцами рук и ног. Периферические рефлексy в норме. Плечо пульсировало тупой, ноющей болью, но сустав казался целым - связки потянуты, но перелома нет. Я медленно ощупала голову свободной правой рукой. Крови нет.

Я уперлась ладонями в преграду надо мной и с силой толкнула. Дерево под моими пальцами оказалось грубым, нелакированным, с глубокими занозами. Совсем не та гладкая, полированная поверхность итальянского дизайнерского стеллажа, которая падала на меня минуту назад.

Книги посыпались в сторону с глухим стуком, поднимая облака удушливой серой пыли. Я с трудом протиснулась в образовавшуюся щель, ободрав ткань на рукаве пиджака. Под коленом хрустнуло - мой рабочий планшет был раздавлен в крошево, экран превратился в мертвую белую паутину. Электронный пульс двадцать первого века затих навсегда.

Я замерла, сидя на полу в полумраке, и прислушалась.

Библиотека больше не была залита ровным светодиодным светом. Пространство освещалось тусклыми, пульсирующими желтыми пятнами. Керосиновые лампы. Тени от них пля-

сали по корешкам пожелтевших книг, создавая иллюзию живого, дышащего помещения.

Сквозь звон в ушах я различила голоса. Они доносились из-за тяжелых бархатных портьер, разделявших длинную анфиладу на две зоны.

Я бесшумно поднялась. Удобная ортопедическая обувь позволила мне ступать по старым, разошедшимся доскам паркета без единого звука. Приблизившись к портьеру, я осторожно отодвинула край тяжелой, пропахшей пылью ткани.

То, что я увидела, заставило мой аналитический ум на долю секунды дать сбой.

В центре освещенного пространства стоял мужчина. Высокий, с безупречно прямой спиной кадрового военного. На нем был сюртук старого кроя - идеально сшитый, из плотной темной шерсти. Никакой неряшливости, ни малейшего намека на вальяжную небрежность, которую так любят позволять себе современные хозяева жизни у себя дома. Его профиль казался высеченным из гранита: жесткая линия челюсти, гладко выбритое лицо, глубоко посаженные глаза, в которых не было ни капли тепла. От него исходила пугающая аура абсолютного контроля. Это был опасный, умный хищник на своей территории.

Но мое профессиональное внимание почти сразу переключилось на того, кто стоял перед ним.

Мальчик лет одиннадцати. Худой, бледный, с растрепанными волосами. Он был одет в суконную курточку, которая

казалась ему немного великоватой в плечах.

Ребенок задыхался.

Мне не нужно было подходить ближе, чтобы поставить предварительный диагноз. Бледный носогубный треугольник, расширенные в первобытном ужасе зрачки, судорожно вздымающаяся грудная клетка. Руки мальчика мелко тряслись, напряженные пальцы комкали край одежды с такой силой, что костяшки побелели. Классическая, тяжелейшая паническая атака.

- Прекрати этот спектакль, Трофим, - голос мужчины лязгнул металлом. Низкий, ровный, лишенный всякого сочувствия. - Я жду ответа. Встань прямо и говори четко.

Он совершенно не понимал, что делает. Как человек жесткой армейской дисциплины, он принимал физиологический сбой нервной системы за детский каприз и упрямое неповиновение.

Мальчик попытался ответить. Его горло дернулось, но из открытого рта вырвался только рваный, заикающийся клекот. Глаза ребенка начали закатываться. Гиперкапния - переизбыток углекислого газа из-за поверхностного, частого дыхания. Еще десять секунд такого давления со стороны подавляющего взрослого, и он рухнет в глубокий обморок от спазма сосудов головного мозга.

Инстинкт врача, намертво вбитый на подкорку годами суровой практики, пересилил шок от сменившихся декораций. Мне было абсолютно плевать, кто этот пугающий мужчи-

на, почему здесь горят керосиновые лампы и куда испарился климат-контроль. Мой пациент находился в критическом состоянии.

Я отбросила тяжелую портьеру и шагнула из тени. Без томных вздохов, театральных жестов или извинений. Я двигалась быстро и целенаправленно, как хирург подходит к операционному столу.

- Отойдите от ребенка, - мой голос прозвучал ледяным хлыстом в гулкой тишине исторической библиотеки. - Немедленно. Вы его убиваете.

Мужчина резко обернулся. В его темных глазах мелькнуло искреннее, глубокое изумление, которое почти мгновенно сменилось обжигающей яростью. В этом доме, судя по его подавляющей осанке, прислуга не смела дышать громче положенного. А тут неизвестная женщина, одетая в возмутительный для его восприятия мужской брючный костюм, покрытая серой книжной пылью, смеет отдавать ему резкие приказы.

Он сделал широкий шаг мне навстречу, словно намереваясь раздавить меня одним своим весом и авторитетом.

- Что вы себе... - начал он, и в его тоне зазвучала первобытная угроза.

Но я не отвела взгляд. Я смотрела на него тем самым непроницаемым, мертвым взглядом кризисного переговорщика, которым сотни раз заставляла отступить обезумевших людей от края крыши или выпустить из рук оружие.

Мы столкнулись глазами: его холодная, аристократическая сталь против моего железобетонного медицинского протокола. Мой авторитет был выкован не родословной, а спасенными жизнями.

Он буквально споткнулся об этот взгляд. Эта микросекундная заминка дала мне необходимое преимущество.

Я оттеснила его плечом - грубо, физически нарушая его личное пространство, - и опустилась на колени прямо на жесткий, холодный паркет перед задыхающимся мальчиком.

Трофим уже начал оседать. Я подхватила его за худые вздрагивающие плечи.

- Смотри на меня, - скомандовала я ровным, гипнотическим тоном, полностью игнорируя нависающую над нами грозовую тучу в лице хозяина дома. Я перехватила ледяные ладошки ребенка и прижала одну из них к своей груди, а вторую положила ему на солнечное сплетение.

- Вдох на три счета. Раз. Два. Три, - я дышала вместе с ним, утрированно громко втягивая воздух носом. - Задержи. Выдох на пять. Медленно. Смотри только в мои глаза. Никуда больше.

Мальчик судорожно всхлипнул, пытаясь вырваться, его грудная клетка ходила ходуном под сукном куртки.

- Нет, Трофим. Ты со мной. Мы здесь. Вдох. Раз. Два. Три, - я не снижала ментального нажима, держа его взгляд намертво прикованным к моему лицу. - Выдох. Почувствуй деревянный пол под ногами. Назови мне три предмета в этой

комнате темно-серого цвета. Сейчас же.

Ребенок испуганно моргнул. Протокол заземления начал пробивать первую брешь в его панике. Мозг вынужден был переключиться с бушующей лимбической системы на кору, обрабатывая простую логическую задачу по поиску цвета.

- К-к-к... - его посиневшие губы дрогнули.

- Спокойно. Не торопись. Я никуда не уйду.

- К-корешок вон той книги, - с огромным трудом, проталкивая слова сквозь мышечный спазм, выдавил он. Дыхание стало чуть глубже и ровнее.

- Отлично. Еще два.

- П-пепел в камине... и... и ваш костюм.

- Умница, - я позволила себе скупую, профессиональную улыбку одобрения. - А теперь глубокий вдох животом. Вот так. Выпускай воздух.

Я физически почувствовала, как жесткий спазм отпускает его тело. Мальчик слабо обмяк в моих руках, тяжело и мокро дыша. Пульс на его тонкой шее замедлился до приемлемых значений. Острый кризис миновал.

Только теперь я позволила себе встать. Мои колени слегка саднили от удара об пол при падении. Я сухим, механическим жестом отряхнула пыль с брюк и медленно повернулась к мужчине.

Он стоял в двух шагах от нас. Его крупные кисти были намертво сцеплены за спиной, а на породистом лице застыла маска сложной, нечитаемой эмоции. Это был уже не просто

гнев. Это была интенсивная работа аналитического ума, который столкнулся с чем-то, что категорически не укладывалось ни в одну из его привычных схем мироустройства.

- Что вы себе позволяете? - процедил он тихо, но в этой тишине было гораздо больше реальной угрозы, чем в базарном крике. - Вы врываетесь сюда в непотребном виде, прерываете мой разговор с наследником... Вы забываетесь, мадемуазель Рожкова.

Мадемуазель Рожкова.

Мой мозг, натренированный собирать тяжелый анамнез по случайным оговоркам, за долю секунды сложил недостающие переменные. Керосиновые лампы. Старинный сюртук ручной работы. Идеальная, книжная русская речь. Тотальное отсутствие современных технологий вокруг. И это имя.

Я вспомнила его. В две тысячи двадцать шестом году, пока я пила кофе в ожидании пациента, управляющий этой усадьбой травил мне местные краеведческие байки. Он рассказывал о гувернантке Кларе Рожковой, выписанной из столицы в тысячу восемьсот восемьдесят восьмом году, которая таинственным образом исчезла, не проработав в поместье и дня.

Шаровая молния. Физический удар. Временной сдвиг.

Осознание того, что я провалилась сквозь эпохи, должно было парализовать меня на месте. Заставить биться в истерику, кричать, оседать на пол, заламывая руки. Но пятнадцать лет работы в эпицентре человеческих трагедий вы-

жгли во мне способность к банальной панике. Вместо липкого страха пришла холодная, звенящая ясность ума. Я - Ярослава Прохорова. Мне сорок два года. Я пережила смерть собственного ребенка. Меня невозможно напугать девятнадцатым веком.

Я выпрямила спину, чувствуя, как неприятно ноет ушибленное плечо под плотной тканью пиджака. Я понятия не имела, какие именно сословные правила игры установлены в этом мрачном доме, но я точно знала, что не буду играть удобную роль покорной бессловесной прислуги, раз уж мне выдали этот билет в один конец.

- Ему нужен очень сладкий горячий чай и полный покой до самого утра, - произнесла я ровным, врачебным тоном, глядя прямо в темные, немигающие глаза князя. - А с вами, сударь, мы предметно поговорим о недопустимости ваших методов воспитания. В вашем кабинете. Как только он уснет.

Глава 2.

- Кузьма! - голос Левашова ударил под высокие своды библиотеки.

В этом коротком, хлестком окрике не было ни капли растерянности или паники. Мужчина, столкнувшийся с необъяснимым приступом собственного ребенка и дерзостью совершенно посторонней женщины, возвращал себе контроль над своей территорией с пугающей эффективностью. Хозяин положения. Прагматик, чей разум мгновенно отсекает эмоции ради конкретных действий. Мой внутренний диагност машинально поставил ему галочку в графе «адекватность в кризисных ситуациях».

Тяжелая дубовая дверь бесшумно распахнулась, и на пороге возник старый дворецкий. Прямая спина, строгий темный сюртук, лицо-маска. Никакой суеты. Слуги в этом доме явно функционировали как идеально пригнанные шестеренки дорогого швейцарского механизма.

- Слушаю, ваше сиятельство, - Кузьма сделал шаг в комнату, и его взгляд на долю секунды мазнул по мне.

Я сидела на полу в покрытом толстым слоем строительной пыли сером брючном костюме, прижимая к себе бледного, тяжело дышащего наследника. В глазах старого слуги мелькнул микроскопический сбой - шок от моего возмутительно-го, немыслимого для девятнадцатого века внешнего вида, но

многолетняя выучка взяла верх. Лицо Кузьмы вновь окаменело.

- Отнеси Трофима в его покои, - сухо скомандовал Левашов. - Послать за доктором Штольцем. Немедленно.

Дворецкий шагнул к нам. Я осторожно разжала руки, выпуская худенькие плечи мальчика. Трофим больше не задышался, но находился в состоянии глубокого постинсультного, точнее, постпанического истощения. Его глаза были полуприкрыты.

- Голову держать чуть приподнятой, - ровным, профессиональным тоном произнесла я, поднимаясь на ноги и отряхивая брюки. - Ему нужен крепкий, очень сладкий чай. Глюкоза восстановит энергетический баланс нервной системы. Никаких резких звуков в комнате. И не смейте его кутать с головой, ему нужен свежий воздух.

Кузьма замер с мальчиком на руках, бросив вопросительный взгляд на хозяина. В его системе координат приказы отдавал только князь. Левашов медленно, тяжело кивнул.

- Исполни.

Когда за дворецким закрылась дверь, в библиотеке повисла звенящая тишина. Только тяжелый маятник старинного хронометра - того самого, что притянул шаровую молнию - продолжал отмерять секунды моего нового времени. Я посмотрела на Левашова. Он смотрел на меня.

- Следуйте за мной, мадемуазель Рожкова, - процедил он.

Он развернулся и пошел к выходу. Я сделала глубокий

вдох, подавляя остаточный выброс адреналина, и шагнула за ним. Мои ортопедические лоферы бесшумно ступали по старому паркету, в то время как каблуки княжеских сапог отбивали четкий, военный ритм.

Мы шли через длинную анфиладу комнат. Температура здесь заметно отличалась от библиотеки - было зябко. Никаких воющих сквозняков или кинематографического хлопанья оконных створок. Просто глубокий, пробирающий до костей холод большого каменного дома, печи в котором явно топили по строгому графику. Воздух пах застарелым пчелиным воском, которым натирали полы, легкой сыростью и чем-то неуловимо металлическим.

Я сканировала пространство. Суровые темные обои, портреты людей с тяжелыми челюстями и немигающими взглядами, массивная мебель из мореного дуба, тусклые блики бронзовых канделябров. Никаких живых цветов, никаких мягких ковров или светлых драпировок. Этот дом был крепостью. Лишенный женской руки, он отражал внутренний мир своего хозяина - жесткий, функциональный, непримиримый.

Эти три минуты ходьбы были мне жизненно необходимы, чтобы окончательно заземлиться в новой реальности. Мозг кризисного переговорщика работал в турборежиме. Физика перемещения во времени меня сейчас не волновала - оставим рефлексию ученым. Я здесь. Это тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год. Меня приняли за выписанную из сто-

лицы гувернантку Клару Рожкову. Чтобы выжить в эпоху сословного диктата и отсутствия базовых женских прав, мне нужна легенда и статус. Значит, я надену эту маску и прирасту к ней. Но играть роль забитой приживалки я не стану. В этом логове хищника выживет только тот, кто покажет зубы.

Левашов распахнул высокие двустворчатые двери и вошел в свой кабинет.

Я переступила порог и остановилась в трех шагах от массивного дубового стола. Князь не предложил мне сесть, сохраняя сословную дистанцию. Я не стала напрашиваться. Идеально прямая спина, сложенные в замок руки, сканирующий взгляд - моя привычная рабочая стойка.

Кабинет полностью разрушал образ вальяжного аристократа, который мог бы сложиться у обывателя. Это было логово инженера. На огромном столе царил идеальный, пугающий порядок. Справа - стопка аккуратно сложенных чертежей, прижатая тяжелым куском необработанной руды. Слева - латунные циркули, логарифмические линейки, образцы стали. И запахи. Здесь не пахло дорогим парфюмом. Воздух был пропитан ароматом морозного железа, оружейной смазки, хорошего табака и...

Я чуть прищурилась, уловив тонкую, сладковато-горькую ноту. Мой взгляд скользнул по столу и зацепился за маленький флакон темного стекла, отодвинутый за чернильницу. Опиумные капли.

Мгновенный психологический профайлинг сложился в

цельную картину. Князь Левашов - трудоголик с инженерным складом ума. Постоянное напряжение в линии челюсти и микроскопическая асимметрия в постановке плеч говорили о застарелой физической травме. Он страдает от хронических болей, вероятно, глушит их опиумом, но продолжает маниакально контролировать свою империю и свой дом. Он подавляет эмоции, считая их слабостью. И того же требует от своего одиннадцатилетнего сына.

Левашов сел за стол. Свет от керосиновой лампы выхватил резкие черты его лица.

- А теперь, мадемуазель Рожкова, - его голос звучал тихо, но в этой тишине металла было больше, чем в заводском прессе, - вы объясните мне две вещи. Во-первых, по какому праву вы врываетесь в библиотеку и смеете повышать на меня голос в моем собственном доме? И во-вторых... что на вас надето?

Он обвел брезгливым взглядом мой костюм, остановившись на пыльных брюках и туфлях без каблука.

Я не отвела взгляд. Не покраснела. Не потупила глаза.

- На мне надет рациональный дорожный костюм нового кроя, князь, - ответила я ровно, без малейшей запинки, выдавая заготовленную ложь. - Передовые рекомендации венских докторов. Медицинским сообществом Европы уже доказано, что жесткий китовый ус, корсеты и обилие юбок сдавливают внутренние органы, приводя к гипоксии и обморокам. Как человек прогрессивный, а вы, судя по чертежам

паровых турбин на вашем столе, именно такой, я предпочитаю здоровье устаревшим условностям. Моя задача - воспитывать вашего сына, а не служить украшением интерьера.

Я сознательно использовала сложную лексику. Гипоксия, прогресс, условности. Это был расчетливый удар по его ожиданиям. Гувернантки не рассуждают о медицине с таким холодным достоинством, и тем более не носят мужское платье, даже прикрываясь европейскими веяниями.

Левашов чуть сузил глаза. Упоминание чертежей и венских докторов сбило его первоначальную агрессию, но он не собирался отступить.

- Оставим в покое ваш возмутительный гардероб, который я настоятельно рекомендую сменить. Вы ушли от первого вопроса.

- Я остановила приступ, который мог закончиться для вашего наследника спазмом сосудов головного мозга, - парировала я, делая шаг к столу. - То, что вы называете упрямством и дурным поведением, имеет медицинское обоснование. Это тяжелый невроз. Его заикание - не каприз. Это мышечный спазм речевого аппарата, который запускается фактором сильного стресса.

- Вздор, - отрезал князь, и его пальцы с силой сжали край стола. Костяшки побелели. - Мальчишка избалован. Мой отец воспитывал меня в железной дисциплине, и я вырос достойным человеком. Трофиму нужна твердая рука, а не потакание его слабостям и бабы истерики.

- Ваша твердая рука его убьет, - мой голос стал тихим и хлестким, как удар скальпеля по металлическому лотку. Я видела, как в его темных глазах вспыхнула ярость, но не остановилась. - Страх перед вами блокирует его способность мыслить. Вы ломаете ему психику, князь. Вы растите не наследника сталелитейной империи, а забитого невротика, который однажды просто не выйдет из панического приступа. Если вы наняли меня для того, чтобы я била его линейкой по рукам и заставляла зубрить французские глаголы до кровавых соплей, то вы ошиблись адресом. Можете выставить меня за дверь прямо сейчас.

Я блефовала. Если он выкинет меня в ночь, без документов, денег и понимания географии, я пропаду. Но моя интуиция кризисного переговорщика кричала, что этот человек уважает только силу. Любой намек на страх или покорность превратил бы меня в его глазах в пустое место.

В кабинете повисла плотная, тяжелая тишина. Слышно было лишь, как где-то за окном стихает дождь.

Мирон Левашов изучал меня. Это был долгий, препарирующий взгляд умного хищника. Он взвешивал мою дерзость против объективных фактов. А факт был один: ни один из прежних учителей, пытавшихся выбить из Трофима заикание розгами, не добился результата. Я же купировала критический приступ за две минуты, просто заставив мальчика дышать и смотреть на серые предметы.

- Вы ходите по очень тонкому льду, мадемуазель Рожко-

ва, - наконец произнес он. Тембр его голоса снизился, став глубже, опаснее. - В моем доме не принято обсуждать мои приказы. Но я человек практический. Мне нужен результат. Вы получите испытательный срок.

Он поднялся из-за стола. Высокий, подавляющий своей мрачной энергетикой.

- Трофим должен перестать заикаться и начать прилично вести себя за столом. Какие методы вы будете использовать - ваше дело. В пределах разумного, разумеется. Но запомните одно: я буду следить за каждым вашим шагом. Любая оплошность, любая попытка настроить сына против отца - и вы вылетите из этого дома быстрее, чем успеете собрать свой прогрессивный венский гардероб. Вы меня поняли?

- Предельно ясно, ваше сиятельство, - я чуть склонила голову, обозначая сухой, сугубо деловой поклон. Мы заключили пакт. Я выиграла первый раунд.

Левашов дернул шнур сонетки. Дворецкий появился с такой скоростью, словно материализовался из воздуха за дверью.

- Кузьма. Проводи мадемуазель Рожкову в ее покои. Ознакомь с расписанием дома.

Дворецкий молча поклонился. Я развернулась на каблучках и покинула кабинет, чувствуя спиной тяжелый, немигающий взгляд князя.

Мы поднимались по узкой боковой лестнице для прислуги и гувернанток. Деревянные ступени глухо скрипели.

- Завтрак подается ровно в восемь утра в малой столовой, - монотонно диктовал Кузьма, шагая впереди меня со свечой в руке. - Занятия молодого барина начинаются в девять и длятся до полудня. Затем прогулка. Обед в два часа. Отходить ко сну в доме положено не позднее одиннадцати. Белье сдавать горничной по субботам.

Он остановился перед узкой дверью в самом конце коридора второго этажа и повернул ключ в замке.

- Ваша комната, сударыня. Если что понадобится - звонок у кровати. Доброй ночи.

- Благодарю, Кузьма. Спокойной ночи, - ответила я.

Я вошла внутрь, дождалась, пока шаги дворцового стихнут в коридоре, и только тогда задвинула тяжелый металлический засов.

Комната была аскетичной. Узкая кровать с жестким матрасом, дубовый комод, небольшой письменный стол у окна и таз для умывания на треноге. В воздухе стоял стойкий запах сушеной лаванды, простого мыла и старого дерева.

Я подошла к тусклому зеркалу над комодом. Оттуда на меня смотрела женщина с резкими тенями под глазами. В темных волосах серебрилась седина, пыль толстым слоем лежала на плечах пиджака.

Я отошла от зеркала и начала непослушными пальцами расстегивать пуговицы на рубашке. Ткань на левом рукаве была безнадежно испорчена, на брюках осела серая книжная пыль. У меня не было с собой ни чемодана, ни смены белья,

ни зубной щетки. Завтра утром придется решать не только психологические, но и сугубо бытовые проблемы, причем делать это так, чтобы не вызвать лишних подозрений.

Вода в фарфоровом кувшине оказалась ледяной. Я намочила край жесткого полотенца, смыла с лица дорожную грязь и напряжение этого безумного дня, стараясь лишний раз не тревожить ноющее левое плечо. Боль пульсировала ровно и глухо.

Раздевшись, я просто легла поверх жесткого одеяла, закрыла глаза и почти сразу провалилась в тяжелый, темный сон. Первый сон в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году.

Глава 3.

- Передайте экономке мою искреннюю благодарность за предоставленные вещи, Глафира, - мой голос прозвучал ровно и сухо, прерывая утреннюю тишину коридора.

Молодая горничная в накрахмаленном переднике замерла у дверей моей комнаты, нервно сминая край полотенца. Я забрала у нее тяжелый медный таз с горячей водой, стараясь не морщиться. Левое плечо, принявшее на себя удар рухнувшего вчера дубового стеллажа, отзывалось тупой, пульсирующей болью при каждом движении. Сустав был цел, но обширная гематома и растяжение связок требовали покоя, которого у меня не предвиделось. Утром я туго перетянула плечо полосами ткани, оторванными от испорченной современной блузки, создав жесткий фиксирующий каркас.

- Мой багаж задерживается по вине станционного смотрителя, - я выдала Глафире заранее заготовленную ложь с ледяной уверенностью потомственной аристократки. - Дорожный костюм, в котором я прибыла, пришел в негодность из-за непогоды. Эта юбка вполне подойдет до прибытия моих сундуков. Принесите мне в комнату чистый блокнот для записей и карандаш.

- Слушаюсь, барышня, - горничная присела в быстром книксене и поспешила прочь по темному паркету, явно обрadowанная тем, что новая гувернантка не устраивает исте-

рик из-за бытовых неудобств.

Я закрыла дверь и подошла к тусклому зеркалу. Одежда, которую экономка выделила мне из запасов прежней прислуги, представляла собой тяжелую, чуть великоватую темно-синюю шерстяную юбку и наглухо застегнутую серую блузу. Ткань пахла сушеной лавандой и старым сундуком. Я проигнорировала предложенный Глафирой жесткий корсет из китового уса - в моем арсенале выживания не было места добровольной асфиксии. Волосы я туго стянула на затылке металлическими шпильками, не пытаясь скрыть плотные серебряные нити седины на висках. Моя броня снова была на мне. Не от кутюр, не из дорогого итальянского бутика двадцать первого века, но броня профессионала, готового к вскрытию чужих психологических нарывов.

Ровно в восемь утра я спустилась в малую столовую.

Помещение было выдержано в суровых, подавляющих тонах мореного дуба и темно-зеленого сукна. Воздух здесь был пропитан не ароматами сдобы, а запахом крепкого черного кофе, типографской краски и холодного оружейного металла. Князь Левашов уже был там.

Мой внутренний диагност машинально отметил, что хозяин дома начисто лишен той вальяжной, ленивой грации, которую бульварные романы приписывают богатым аристократам. Мирон Левашов работал. Он сидел во главе длинного стола, безупречно одетый в строгий темный сюртук, ткань которого натянулась на широких плечах. Перед ним не было

тарелок с деликатесами - пространство занимали развернутые ватманы, покрытые сложными инженерными расчетами, эпюрами сопротивления материалов и графиками поставок чугуна.

- Доброе утро, ваше сиятельство, - я заняла место на противоположном конце стола, сохраняя почтительную, но холодную дистанцию.

- Мадемуазель Рожкова, - князь поднял голову.

В его темных, глубоко посаженных глазах не было ни утренней расслабленности, ни снисхождения. Это был взгляд промышленника, чей разум уже находился на строительной площадке. Его глаза на секунду задержались на моем простом, лишенном всяких украшений наряде. Взгляд мазнул по глухому воротнику блузы и строгой прическе. Он ничего не сказал, но я уловила микроскопическое изменение в линии его жестких губ - он оценил мое нежелание раздувать скандал из-за отсутствия гардероба. Прагматик внутри него поставил мне очередной плюс за адекватность.

Я налила себе крепкого, почти черного чая из тяжелого серебряного чайника. Без сахара. Без сливок.

Пока я пила, мой взгляд профессионального наблюдателя скользил по фигуре князя. Он делал быстрые, резкие пометки на полях чертежа. Я заметила едва уловимую асимметрию в постановке его плеч и то, как напрягалась мощная челюстная мышца каждый раз, когда он поворачивал голову влево. Контузия. Классический болевой синдром, который он глу-

шил работой, опиумом и абсолютным контролем над всем живым в радиусе десяти миль. Этот человек выжигал в себе любую слабость каленым железом, и того же самого безжалостно требовал от своего сына.

- Я уезжаю на инспекцию моста, - произнес Левашов, сворачивая ватман в тугой рулон. Он поднялся, возвышаясь над мной темной, непреодолимой скалой. - Вернусь к ужину. В девять часов Трофим должен быть в классной комнате. Я жду дисциплины и результатов, мадемуазель. Вчерашний инцидент в библиотеке не должен повториться.

- Ваша позиция мне ясна, князь. Продуктивного дня, - ответила я сухо, не опуская глаз под его подавляющим взглядом.

Он коротко, по-военному кивнул и вышел, оставив после себя шлейф морозного воздуха и запаха дорогого табака. Я допила чай. Предстоял первый рабочий день в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, и мне нужны были мои инструменты.

В половине девятого я вернулась в свою комнату на втором этаже. Мне нужно было забрать блокнот, принесенный Глафирой, и переложить в карман юбки стальной пинцет. Это был тонкий инструмент из моего набора для книжной реставрации - единственная вещь, провалившаяся за подкладку кармана рабочего пиджака еще в моем времени и чудом уцелевшая при падении стеллажа.

Едва я повернула ручку двери и переступила порог, как в

лицо ударил тяжелый, сладковато-металлический запах. Запах свежей крови.

Мой взгляд мгновенно сфокусировался на центре комнаты. Пока я завтракала, горничная успела прибраться, но сейчас на идеально заправленной, белоснежной простыне моей узкой кровати лежало нечто серое и бесформенное. Огромная, раскормленная амбарная крыса. Ее череп был проломлен, а из пасти на чистый лен натекла густая, уже начавшая сворачиваться темная лужица.

Я не отшатнулась. Не прижала ладони к щекам. Сердце кризисного психолога, годами работавшего с подростками-самоубийцами и жертвами домашнего насилия, даже не сбилось с ровного ритма.

Мозг моментально выдал аналитическую сводку. Это не просто глупая мальчишеская выходка. Это подростковая провокация, защитный механизм сломанной психики. Трофим запускал привычный ему цикл домашнего насилия. В его картине мира события должны развиваться по строгому сценарию: новая гувернантка видит мертвую крысу - гувернантка бьется в истерику - сбегается прислуга - инцидент докладывают отцу - отец приходит в ярость - Трофима жестоко наказывают. Болевой шок и физическое наказание были для травмированного ребенка понятнее и безопаснее, чем неопределенность и попытки выстроить эмоциональную близость.

Краем глаза я уловила движение. Окно моей комна-

ты выходило на широкую деревянную веранду, опоясывающую второй этаж усадьбы. За неплотно задернутой шторой мелькнула тень. Мальчик был там. Он подсматривал, сжавшись в комок, мучительно ожидая моего крика, который запустит механизм экзекуции.

Я сделала глубокий, спокойный вдох. Подошла к комоду и взяла со столешницы плотный лист писчей бумаги. Затем достала из кармана стальной реставрационный пинцет. Абсолютно хладнокровно, словно это был не окровавленный труп грызуна, а фрагмент старинного переплета в стерильной мастерской, я аккуратно поддела крысу под туловище и перенесла ее на бумагу.

Развернувшись на каблуках, я толкнула створку окна и шагнула на веранду.

Утро было пасмурным и стылым. Густой туман полз от реки, оседая влажными каплями на деревянных перилах. Трофим вздрогнул и вжался спиной в резную колонну. Его лицо было бледным до синевы, зрачки расширены от адреналина, грудная клетка ходила ходуном. Он смотрел на меня снизу вверх, как затравленный волчонок, ожидающий удара.

Я неспешно подошла к плетеному садовому столику и положила на него лист с мертвой крысой.

- Садись, Трофим, - произнесла я ровным, академическим тоном, указывая на стул напротив. В моем голосе не было ни капли угрозы, упрека или возмущения. Только сухая констатация факта.

Мальчик моргнул. Его челюсть слегка отвисла. Он был настолько ошеломлен отсутствием истерики, что его тело на секунду забыло о страхе. На негнущихся ногах он сделал два шага вперед и опустился на край плетеного стула.

- Раз уж ты так любезно озаботился наглядными пособиями для сегодняшнего занятия, мы отложим французские глаголы, - я встала над столом, глядя прямо в его настороженные глаза. - Начнем с естествознания. Подвинься ближе.

Я взяла пинцет и, игнорируя запах крови и сукровицу, хладнокровно приподняла верхнюю губу грызуна.

- Обрати внимание на резцы, Трофим. Смотри внимательно, - я указала стальным кончиком на длинные желтоватые зубы. - Эмаль у крыс покрывает только переднюю часть зуба. Задняя часть стачивается быстрее, поэтому их зубы всегда острые, как долота. Давление челюстей этого маленького существа составляет полторы тонны на квадратный дюйм. Они способны прогрызть свинец, бетон и корабельные доски.

Ребенок сидел, затаив дыхание. Его протестный невроз разбился вдребезги о мою железобетонную реакцию. Он ожидал криков и розог, а получил клинический разбор анатомии. Его разум, жаждущий информации, но годами подавляемый зубрежкой и страхом, внезапно включился в работу.

- А... а почему они... - он попытался задать вопрос, но спазм речевого аппарата снова сковал горло.

- Дыши животом, Трофим, - спокойно напомнила я, не отрывая взгляда от препарируемого объекта. - Вдох. Выдох.

Не торопись.

- Почему они желтые? - выдавил он, наконец, чисто, без заикания.

- Из-за пигмента в эмали. Это признак взрослой, здоровой особи. А теперь посмотри на строение черепа, - я чуть повернула голову животного пинцетом. - Мощные жевательные мышцы крепятся вот здесь. Эволюция создала идеальную машину для выживания. У них нет ключиц, Трофим. Поэтому крыса может пролезть в любое отверстие, куда пройдет ее голова.

Мы провели за этим жутковатым, немыслимым для гувернантки девятнадцатого века занятием около десяти минут. Я рассказывала ему о терморегуляции через хвост, о строении лап и о пищевых цепях. Мальчик слушал заворуженно. Его плечи опустились, дыхание стало глубоким и ровным. Он забыл о своем страхе перед отцом, забыл о том, что хотел меня напугать. Передо мной сидел умный, любознательный подросток, с которым впервые в жизни заговорили как с равным, не делая скидок на его диагноз.

- На этом факультатив по биологии окончен, - я отложила пинцет в сторону и выпрямила спину, глядя на мальчика сверху вниз. Пора было возвращать границы. - Смерть - это биологический факт, Трофим. Она часть экосистемы. Но использовать чужой труп, даже труп вредителя, для дешевых спектаклей - это не признак бунтарства. Это признак глупости.

Он опустил глаза, и на его бледных щеках проступил яркий, болезненный румянец стыда. Не страха перед наказанием, а именно стыда перед взрослым человеком, чей авторитет он только что признал.

- Возьми лопату у садовника, - я кивнула на бумагу с крысой. - Закопай ее под старым дубом за оранжереей. Глубоко, чтобы не вырыли собаки. А потом тщательно вымой руки с карболовым мылом в кухне. Жду тебя в классной комнате через двадцать минут. Мы будем учить латинские названия костей грудной клетки.

Трофим молча встал. Он осторожно, двумя руками взял лист бумаги за края. Перед тем как уйти, он поднял на меня взгляд. В нем больше не было подростковой злобы или затравленности. Там появилось мрачное, почти мистическое уважение к вожаку, который оказался сильнее его демонов. Он коротко кивнул и быстро пошел по скрипучим доскам веранды к лестнице в сад.

Я достала из кармана чистый носовой платок и тщательно вытерла сталь пинцета. Боль в левом плече пульсировала в такт ударам сердца, напоминая о реальности происходящего. Я посмотрела на густой туман, окутывающий старые деревья усадьбы Левашовых.

Привычная, порочная система координат в этом мрачном доме была сломана. Первый бастион я взяла без единого выстрела. Теперь оставалось самое сложное - выстроить на этих руинах новую архитектуру доверия, пока хозяин дома

не решил снести всё до основания. Я развернулась и пошла в классную комнату, готовясь к следующему раунду.

Глава 4.

Глухой, ритмичный удар заставил мелко задрожать хрустальные бокалы в застекленном кухонном буфете. Спустя секунду по старым дубовым половицам прошла едва уловимая вибрация. Я замерла с каменным пестиком в руке, прислушиваясь. Надвигающаяся на девятнадцатый век индустриальная эпоха заявляла о себе тяжелым дыханием парового молота. В нескольких верстах от тихой, погруженной в мрачную готику усадьбы строился сталелитейный завод князя Левашова. Этот далекий, ровный пульс металла был единственным звуком в этом времени, который казался мне родным. Он напоминал биение огромного механического сердца, отсчитывающего секунды до неизбежных перемен.

Шел четвертый день моего пребывания в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году. Иллюзии о внезапном возвращении домой рассеялись, оставив место холодному прагматизму выживания.

Я находилась в просторной, пахнущей сушеными яблоками, гвоздикой и воском кладовой при кухне. Мое левое плечо, принявшее на себя удар рухнувшего в библиотеке стеллажа, продолжало пульсировать вязкой, тупой болью. Растянутые связки не прощают суеты, поэтому левую руку я старалась держать прижатой к корпусу. Работать приходилось

правой, медленно и методично растирая в ступке жесткие полоски коры белой ивы, которые мне удалось найти в запа-сах кухарки. Мое давнее увлечение исторической ботаникой в прошлом - или, точнее, в будущем - оказалось здесь вопро-сом базового выживания.

Дверь скрипнула. На пороге появился Кузьма. Старый дворецкий старался держать безупречно прямую, выму-штрованную спину, но его правая нога при каждом шаге слегка подворачивалась, а глубокие морщины вокруг рта за-легли резкими, болезненными тенями. Весенняя сырость, ползущая от реки, безжалостно обострила его застарелый ревматизм.

- Вы искали меня, мадемуазель? - ровно спросил он, оста-новившись у массивного стола. В его тоне по-прежнему зву-чала сословная дистанция, но после инцидента с крысой прислуга перестала смотреть на меня как на пустое место.

- Подойдите ближе, Кузьма, - я смахнула получившийся сероватый порошок на чистый марлевый лоскут и протяну-ла ему. - Заварите это крутым кипятком. Настаивать ровно полчаса.

Дворецкий недоверчиво посмотрел на узелок. В его систе-ме координат столичная гувернантка должна была учить на-следника французскому прононсу и вышивать крестиком в гостиной, а не заниматься сомнительным кухонным знахар-ством.

- Это кора белой ивы, - пояснила я сухим, академиче-

ским тоном лечащего врача, не оставляющим пространства для дискуссий. - Природный источник салициловой кислоты. Никакой магии, исключительно химия. Отвар снимет воспаление в суставе и уберет жар.

- Благодарю покорно, - Кузьма осторожно принял сверток, но в его выцветших глазах сквозило сомнение. - Доктор Штольц прописывал мне мази, да только толку от них, как от молитвы глухому...

- Это не чудодейственный эликсир, Кузьма, - жестко обрвала я, не давая ему ложных надежд. - Боль уйдет на несколько часов, потом вернется. Но вы сможете нормально передвигаться по лестницам и спать ночью. И запомните главное: пить строго после плотной еды. Если выпьете натощак - сожжете слизистую желудка. Мне нужен работоспособный управляющий домом, а не пациент с прободной язвой.

Дворецкий медленно кивнул. Лицо его оставалось непроницаемым, но я видела, как этот умный старик мысленно оценивает мою прямооту. Он привык к барским приказам и равнодушию, но моя ледяная, повелительная забота пробилала его броню. В этом мрачном, холодном доме у меня появился первый негласный союзник.

Оставив Кузьму на кухне, я вышла в прохладный коридор первого этажа и почти сразу столкнулась с Глафирой. Молодая горничная несла стопку свежетыглаженного белья. Заметив меня, она нервно переступила с ноги на ногу.

- Барышня Клара... - робко начала она, комкая край передника. - Я там вам корсет приготовила. Со свежей шнуровкой, как положено. Экономка ругаются очень. Говорят, немыслимо в порядочном княжеском доме в таком распущенном виде ходить. Хозяин строгость во всем любят, неровен час осерчают на прислугу за недосмотр.

Я окинула взглядом свою серую шерстяную блузу, застегнутую на все пуговицы вплоть до глухого воротника-стойки. Ткань сидела свободно, не подчеркивая, но и не скрывая фигуру. Дело было даже не в моем категорическом неприятии средневековых орудий пыток. С моим травмированным плечом я бы просто взвыла от боли при попытке затянуть китовый ус.

- Передайте экономке мою глубочайшую признательность за бдительность, Глафира, - мой голос зазвучал как натянутая металлическая струна. - Однако я неукоснительно слеую медицинским предписаниям венских докторов. Жесткая компрессия грудной клетки приводит к хронической гипоксии - кислородному голоданию - и необратимому смещению внутренних органов. Я нанята князем для интеллектуального труда, а недостаток кислорода пагубно влияет на функции головного мозга. Вопрос с моим бельем закрыт окончательно. Если у экономки остались вопросы, я готова обсудить с ней анатомию дыхательной системы лично.

Горничная захлопала ресницами. Вряд ли она поняла и половину из сказанного, но тяжелый научный терминологи-

ческий аппарат действовал безотказно. Она присела в сутливым книксене и поспешила скрыться.

Спустя час мы с Трофимом покинули территорию усадьбы. Сегодня по расписанию у нас не было латыни в душевной классной комнате.

Утро выдалось пасмурным, тяжелые свинцовые облака цеплялись за верхушки старых елей. Мы спустились по крутой, извилистой тропинке к реке. Здесь пахло сырým ивняком, прелыми прошлогодними листьями и холодной водой. Весенний берег был покрыт плотной, вязкой серой глиной.

Трофим остановился у кромки воды. На нем была суконная куртка, идеально вычищенные брюки и дорогие сапоги. Он бросил на меня тревожный, затравленный взгляд, ожидая подвоха.

- Садись, - я указала на влажный глинистый берег.

Мальчик побледнел. Его пальцы судорожно вцепились в край куртки.

- П-прямо с-сюда? - заикание, которое нам удалось немного сгладить за последние дни благодаря дыхательным упражнениям, снова сковало его горло из-за страха нарушить правила. - Отец м-меня в-выпорет за г-грязь. Гувернантки за-прещали...

Я не стала читать ему нотаций о том, что одежда - это просто ткань. Рациональные уговоры не работают там, где царствует забитый глубоко в подкорку животный ужас перед физическим наказанием. Я молча подошла к самой воде,

опустилась на колени прямо в своей темно-синей шерстяной юбке и погрузила правую руку в холодную, чавкающую глину.

Глаза Трофима расширились так, словно я на его глазах совершила святотатство. Учительница, добровольно пачкающая подол в речной грязи, ломала все его представления о мире взрослых.

- Глина отлично держит форму, Трофим, - я зачерпнула тяжелый серый ком и размяла его пальцами. - Садись. Это часть учебного процесса.

Мальчишеское любопытство и мой железобетонный авторитет перевесили страх. Он нерешительно опустился рядом, пачкая колени дорогих брюк, и неуверенно ткнул бледным пальцем в холодную массу.

- Сегодня мы занимаемся формообразованием, - ровно произнесла я, продолжая разминать свой кусок. - Твоя задача - вылепить свой страх. Тот самый, который живет у тебя в горле и мешает говорить. Придай ему физическую форму. Любую.

Трофим замер. Его носогубный треугольник снова напрыгся, но руки уже были по запястья в глине. Мелкая моторика запустила древний, базовый механизм компенсации нервной системы. Физическая работа с плотным, сопротивляющимся материалом начала перетягивать на себя ту энергию, которая обычно уходила в мышечный речевой спазм.

Сначала он просто безжалостно, зло рвал глину на куски,

высвобождая подавленную агрессию. Я не мешала. Сидела рядом на холодной земле, чувствуя, как ледяная влага пропитывает шерсть юбки, и молча наблюдала за тем, как его поверхностное, ключичное дыхание становится глубже. Затем его пальцы начали создавать форму. Это было нечто угловатое, тяжелое, отдаленно напоминающее фигуру медведя - или огромного человека в широком сюртуке, нависающего над своей жертвой.

- Почему ты сделал верхнюю часть такой массивной? - спросила я впроброс, не глядя на него, словно меня интересовала только фактура материала.

Мозг Трофима, занятый сложной физической задачей и сенсорным восприятием холодной грязи, просто не успел выстроить привычный блок защиты.

- Потому что оно давит, - ответил он. - Прямо на грудь. Когда оно рядом, здесь совсем нет воздуха.

Я замерла. Ни единой запинки. Острый спазм отступил перед необходимостью анализировать свою физическую работу. Арт-терапия работала безупречно.

- Хорошее пространственное мышление, - я позволила себе скупую, ободряющую улыбку. - А теперь сломай это. Своими собственными руками. Уничтожь.

Мальчик недоверчиво посмотрел на меня, а затем с каким-то первобытным, яростным наслаждением обрушил кулаки на слепленного монстра, превращая его обратно в плоский, безвредный блин речной грязи. На его перепачканном

лице впервые за эти дни появилось выражение абсолютного, злого триумфа.

К парадному крыльцу усадьбы мы подошли ближе к полудню. Моя юбка была безнадежно испорчена серыми разводами, правую руку по локоть покрывала подсохшая корка. Трофим выглядел не лучше - комья грязи на коленях, перепачканные щеки, растрепанные ветром волосы. Но он шел рядом со мной ровным шагом, не сутулясь и не вжимая голову в плечи.

Именно в этот момент на гравийную подъездную аллею свернул открытый экипаж.

Мирон Левашов вернулся с завода раньше ожидаемого срока. Он легко, по-военному спрыгнул на землю, даже не дожидаясь, пока кучер полностью остановит тяжелых лошадей. Темный суконный сюртук сидел на нем безупречно, высокие сапоги блестели, несмотря на весеннюю распутицу. От него ощутимо тянуло запахом морозного железа, угольной гари и дорогого табака - тяжелый, концентрированный аромат власти.

Его взгляд мгновенно выхватил нас на ступенях парадного входа.

Князь остановился. Линия его жесткой челюсти напряглась так, что под кожей перекатились желваки. Глаза сузились, превратившись в две темные, опасные щели. Он увидел испачканного, похожего на уличного оборванца наследника и гувернантку, чей возмутительный вид нарушал все мысли-

мые законы сословного приличия. Левашов набрал в широкую грудь воздуха, готовясь разразиться холодной, уничтожающей яростью хозяина.

Я физически почувствовала, как Трофим за моей спиной сжался в комок. Его дыхание сбилось, готовое снова провалить его в бездну немоты.

Я сделала шаг в сторону, заслоня мальчика своим здоровым правым плечом от подавляющей фигуры отца.

- Трофим, - мой голос разрезал тяжелую тишину как скальпель. В нем не было ни капли страха или женского заискивания перед работодателем. Только ровный, требовательный тон командира. - Доложите князю, чем именно мы занимались на берегу. Используйте сложные предложения.

Мирон замер, явно сбитый с толку моей беспрецедентной наглостью. Он перевел испепеляющий взгляд с моего грязного подола на мое лицо, но не успел произнести ни слова.

Трофим сделал глубокий, судорожный вдох животом - точно так, как я учила его во время панической атаки в библиотеке. Он не опустил глаза. Мальчик смотрел прямо на возвышающуюся над ним скалу в лице отца.

- Мы изучали свойства вязкости речной глины, - голос ребенка прозвучал тихо, но абсолютно чисто. Он говорил медленно, аккуратно проталкивая слова сквозь застарелый страх, но ни один звук не дрогнул. - Глина удерживает форму благодаря своей плотности, что позволяет использовать ее в строительстве... и в формообразовании.

Тишина, повисшая над парадным крыльцом, стала оглушительной. Даже старые ели, казалось, перестали шуметь.

Слова, готовые сорваться с губ Левашова, умерли, не родившись. Его гнев, острый и безжалостный, только что на полном ходу наткнулся на непробиваемую стену объективного результата. Его сын, который годами не мог выдавить из себя связной фразы в его присутствии, только что четко и ясно сформулировал сложную мысль.

Мирон медленно, словно во сне, закрыл рот. Он смотрел на Трофима так, будто видел его впервые в жизни. Затем его взгляд, тяжелый, как чугунная отливка, медленно переместился на меня. В нем больше не было раздражения или высокомерного презрения аристократа к прислуге.

Это был взгляд умного, расчетливого инженера, который столкнулся с механизмом неизвестной, пугающей конструкции. Он стоял у подножия лестницы и препарировал меня глазами - каждую черточку моего лица, мою прямую спину, мое ледяное, непоколебимое спокойствие. Князь Левашов только что осознал одну простую, опасную вещь: женщина, стоящая перед ним в испачканном шерстяном платье, была кем угодно, но только не скромной столичной гувернанткой Кларой Рожковой.

Глава 5. (Мирон)

от лица Мирона

В инженерии не бывает чудес. Если сложный, громоздкий механизм, который годами скрипел, сбоил и разваливался на части, вдруг начинает работать с безупречной, ровной точностью, вывод может быть только один - кто-то грубо влез в его архитектуру и полностью заменил базовые шестеренки.

Я стоял у массивного медного рукомойника в углу своего кабинета и методично, с силой тер руки жестким карболовым мылом. Вода в фарфоровой чаше быстро серела, смывая заводскую копоть и въевшуюся оружейную смазку. Мои кожаные перчатки, безнадежно испорченные на крыльце мокрой речной глиной, валялись на краю дубового стола. Но мысли были заняты не сорванными сроками поставок чугуна, не забастовками рабочих и не грязью на сапогах. В ушах до сих пор звенел голос моего сына.

«Мы изучали свойства вязкости речной глины».

Я закрыл кран и оперся тяжелыми, влажными руками о края рукомойника, немигающим взглядом глядя на свое отражение в темном оконном стекле. Взгляд был мрачным, челюсть инстинктивно сжата. Мой собственный сын, который в моем присутствии обычно съеживался в комок и не мог выдавить из себя ничего, кроме жалкого, захлебывающегося клекота, только что смотрел мне прямо в глаза. Он гово-

рил медленно, но абсолютно чисто. Выверенными, сложными фразами взрослого человека, уверенного в своей правоте.

Годами я нанимал лучших столичных светил педагогики. Я платил огромные деньги докторам, которые прописывали Трофиму пиявки, ледяные ванны и успокоительные порошки. Я пытался применять методы моего покойного отца - жесткую, неукоснительную армейскую муштру, искренне веря, что слабость нужно выжигать дисциплиной. Результат был нулевым. Мальчишка лишь больше замыкался, дичал и сбегал в лес, прячась от меня, как от палача.

И вот в моем доме появляется эта женщина. Она не проработала и четырех дней. Она грубит мне, игнорирует субординацию, портит дорогие вещи и ходит перемазанная речной грязью, словно уличная торговка. Но она добилась того, чего не смогла сделать вся моя власть и все мои деньги. Это больно било по моему самолюбию. Но как промышленник, построивший империю на голом расчете, я не мог не уважать объективную эффективность. Ее методы работали.

Резкий откат адреналина после стычки на крыльце сделал свое дело. В неплотно закрытую фрамугу потянуло сырым, тяжелым весенним ветром, принесшим с реки запах талого снега и далекой угольной гари. Спазм ударил в левую половину головы предсказуемо и безжалостно.

Я глухо выдохнул сквозь стиснутые зубы и прижал холодное, влажное полотенце к виску. Турецкая граната под Плевной в семьдесят седьмом году оставила мне на память не

только уродливый шрам под волосами, но и застарелую контузию, которая при смене погоды превращала мой череп в чугунные тиски. Я ненавидел эти приступы. Боль - это слабость. Боль делает человека уязвимым, заставляет терять фокус и контроль над территорией. А я не имел права терять контроль ни на секунду, особенно сейчас, когда на кону стояли правительственные контракты.

Бросив полотенце, я подошел к столу и выдвинул верхний ящик. Маленький флакон темного стекла с опиумными каплями лежал рядом с серебряным портсигаром. Я не стал звать прислугу. Накапав ровно пятнадцать мутных капель в стакан со вчерашней водой, я выпил зелье одним глотком. Горький, вяжущий металлический вкус осел на языке. Теперь оставалось перетерпеть четверть часа, пока химический дурман не приглушит пульсацию в разорванных нервах, превратив острую агонию в глухое, терпимое гудение.

Я заставил себя сесть за стол, разворачивая ватман с эпюрами сопротивления материалов для опор железнодорожного моста. Цифры слегкаплыли перед глазами, но я упрямо взял в руку карандаш. Тот, кто позволяет телу диктовать условия разуму, быстро теряет всё.

Спустя двадцать минут железная хватка мигрени начала ослабевать. Я отложил карандаш, поднялся и тяжело подошел к огромному окну кабинета.

Тусклый свет пасмурного полудня заливал старый сад. Внизу, на гравийной дорожке, ведущей к заброшенной оран-

жерее, появились две фигуры. Трофим и его новая гувернантка. Они уже успели привести себя в порядок после своих безумных упражнений на берегу. На мальчике была чистая суконная куртка, на ней - та самая суровая темно-синяя шерстяная юбка и наглухо застегнутая серая блуза, которую выдала ей экономка из старых запасов.

Я заложил руки за спину и начал маниакально, с холодной отстраненностью военного хирурга изучать эту женщину. В ней всё было неправильно. Всё выламывалось из привычных, уютных сословных рамок, в которых должна существовать наемная прислуга.

Я смотрел на ее биомеханику. Она не семенила. Не сутулила плечи в попытке казаться незаметной, не опускала голову в ложном смирении. У нее был широкий, ровный шаг уверенного в себе человека, привыкшего распоряжаться пространством вокруг. Спина - идеально прямая, но не из-за жесткого китового уса, от которого она категорически отказалась в первый же день, прикрываясь какими-то прогрессивными венскими докторами. Это была внутренняя осанка. Жесткий, негибаемый стержень. Без корсета ее центр тяжести сместился, сделав ее движения естественными, почти хищными.

Ветер растрепал ее темные волосы, и я снова, как и в первую нашу встречу в библиотеке, ясно увидел плотные, серебряные нити на ее висках. Ей на вид было не больше сорока лет. В моем жестоком мире женщины седеют в таком воз-

расте только по одной причине - если они заглянули за край бездны, потеряли всё, но выжили. Эта женщина определенно видела вещи похуже моего княжеского гнева, поэтому и смотрела на меня ледяными, пустыми глазами кризисного переговорщика.

Затем я начал препарировать ее речь. Моя феноменальная память услужливо подкинула мне слова, брошенные ею на крыльце, и те термины, на которые давеча жаловалась насмерть перепуганная экономка. «Формообразование». «Свойства вязкости». «Гипоксия». «Интеллектуальный труд».

Ни одна выпускница институтов благородных девиц, даже самая способная, не формирует мысли подобным образом. Их учат французской поэзии, вышиванию гладью и умению вести пустую светскую беседу в гостиной. Они не понимают принципов плотности материалов и не рассуждают об анатомии дыхательной системы с холодной отстраненностью патологоанатома.

Я отвернулся от окна, и мой взгляд предсказуемо уперся в висящий на стене портрет покойной жены. Елена. Тонкие белые кружева, мягкая линия бледных плеч, огромные, вечно испуганные глаза лани. Наш брак был классической словной сделкой, слиянием двух уважаемых дворянских фамилий. Я относился к ней с должным уважением, оберегал от сквозняков, резких звуков и дурных новостей. Она была тепличным цветком, хрупким и правильным. И этот цветок

был безжалостно смят, раздавлен физиологической жестокостью тяжелых родов.

Ее смерть оставила во мне глухую пустоту и подсознательное, иррациональное отторжение к сыну, жизнь которого была куплена такой страшной ценой. Трофим вырос живым напоминанием о моей неспособности защитить то, что по праву принадлежало мне. Я не смог спасти жену, и эта беспомощность разъедала меня изнутри не хуже опиума.

Но женщина, шагающая сейчас по моему саду, не была цветком. Она была отлита из тигельной стали. И именно это вызывало во мне не жалость, а острое, первобытное чувство опасности.

Мой прагматичный мозг начал выстраивать логические цепочки. Кто она такая? Блестящий интеллект, медицинские познания, абсолютное отсутствие страха перед авторитетами и фальшивая легенда. Клара Рожкова? Вздор. Эта столичная мышь, судя по рекомендательным письмам, не могла связать двух слов без почтительного реверанса.

Значит, в моем доме находится самозванка. Внедренный агент. Радикалка из террористической ячейки, готовящая диверсию на заводе? Вряд ли, в ней нет этого дешевого, фанатичного надрыва. Она слишком аристократична в своем презрении к условностям.

Тогда остается только бизнес. Остап Наместников. Мой главный конкурент, выскочка-миллионщик, который спит и видит, как бы перехватить у меня правительственный тен-

дер на строительство железнодорожных мостов. Наместников умен, хитер, обладает звериным чутьем и не жалеет денег на промышленный шпионаж. Заслать в «Железные Воды» умную, хладнокровную женщину под видом гувернантки, чтобы получить доступ к моим чертежам, бухгалтерии и графикам поставок - это вполне в его агрессивном, купеческом стиле.

Темный, обжигающий азарт хищника, почуявшего на своей территории равного по силе чужака, заставил меня усмехнуться. Усталость отошла на второй план.

В дверь деликатно, но требовательно постучали.

- Войди, - бросил я, возвращаясь к столу и принимая привычную, подавляющую позу хозяина положения.

На пороге появился Кузьма. Старый дворецкий нес в руках тяжелый серебряный поднос с крепким черным кофе и дневной почтой.

Я взял чашку, отпил горький, обжигающий напиток и в этот момент заметил деталь, которая заставила меня медленно опустить фарфор обратно на блюдце. Я был человеком, привыкшим считывать малейшие отклонения в работе своих заводов и поведении своих слуг.

Кузьма пересек просторный кабинет ровным, уверенным шагом. Его правая нога, которую он обычно мучительно привлекал из-за застарелого, съедающего суставы ревматизма, двигалась свободно и без заминок. И это в день, когда речная сырость пробирала до костей.

- Что с твоей ногой, Кузьма? - спросил я тихо, не повышая голоса, но в этой тишине металла было достаточно, чтобы старик мгновенно вытянулся во фронт.

Дворецкий замер у края стола. Его старое, изрезанное глубокими морщинами лицо осталось бесстрастным, но в выцветших глазах мелькнула редкая растерянность.

- С ногой, ваше сиятельство?

- Ты не хромаешь, - я откинулся на спинку кресла, буравя его тяжелым, сканирующим взглядом. - Погода такая, что в деревне цепные собаки воют от ломоты в костях. Доктор Штольц месяц назад развел руками, сказав, что твои суставы уже не спасти. А ты ходишь по лестницам, как молодой рекрут на смотре. Я жду ответа.

Кузьма тяжело сглотнул. В его системе координат лгать хозяину было немыслимо, но и выдавать новую обитательницу дома, которая проявила к нему милосердие, старику явно не хотелось.

- Так мадемуазель Рожкова... - голос дворецкого прозвучал глухо, он опустил глаза. - Изволили мне зелье сегодня утром справить. Сами в ступке растерли кору белой ивы, в узелок завязали и выдали. Велели заваривать крутым кипятком и пить строго после плотной еды, чтобы, как они изволили выразиться, слизистую мне не сжечь. Словно рукой сняло боль, батюшка Мирон Алексеевич. Я уж и забыл, когда так легко ступал.

Я молчал, глядя на разохшиеся, узловатые пальцы дво-

рецкого, сминающие край подноса.

Кора белой ивы. Природный салицилат. Никаких знахарских заговоров, молитв, свинцовых примочек или лягушачьих лапок. Голая, прикладная химия и четкое знание побочных эффектов для желудочно-кишечного тракта.

Пазл в моей голове щелкнул, складываясь в пугающую своей эффективностью картину. За какие-то четверо суток эта невероятная женщина не просто проникла в мой дом. Она купировала невроз моего наследника, привязав мальчика к себе намертво. Она вылечила моего главного управляющего, навсегда обеспечив себе преданность прислуги. Она медленно, методично, как гениальный полководец, захватывала мою крепость изнутри, не нарушая при этом ни единого писаного правила приличия.

Я физически почувствовал, как учащается мой пульс. Это был уже не гнев. Это было искреннее восхищение инженера перед идеально спроектированной осадой. Но я не собирался сдавать свои позиции без боя.

- Слушай меня внимательно, Кузьма, - я подался вперед, опираясь локтями о стол. Мой голос опустился до того ровного, ледяного регистра, от которого мои приказчики на литейном заводе начинали покрываться холодным потом.

- Слушаю, ваше сиятельство, - дворецкий низко склонил голову.

- Багаж мадемуазель Рожковой всё еще задерживается на железнодорожной станции.

- Так точно-с. Станционный смотритель обещал прислать подводу со дня на день, как только грязь на тракте немного подсохнет.

- Как только подвода прибудет, ее сундуки не должны упасть на второй этаж, - я чеканил каждое слово, намертво фиксируя приказ. - Немедленно вели лакеям занести весь ее багаж сюда, в мой кабинет. Я хочу лично, без свидетелей, осмотреть каждую вещь и каждую бумагу, с которой эта особа пожаловала в мое поместье. И еще одно. Если мадемуазель попытается отправить в город или в столицу хоть одно письмо - оно должно сначала лечь на этот стол. Ты меня понял?

- Предельно ясно, Мирон Алексеевич. Всё будет исполнено в точности.

- Ступай. И позови ко мне управляющего заводом, он должен ждать в малой приемной.

Кузьма поклонился и бесшумно вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой тяжелые дубовые двери.

Я остался один в наступившей тишине, нарушаемой лишь мерным, глухим тиканьем старинных напольных часов. Последние отголоски мигрени окончательно рассеялись, оставив после себя кристальную, звенящую ясность ума.

Взяв в руки остывший кофе, я посмотрел на сад. Моя таинственная гостья, вероятно, думает, что легко переигрывает провинциального аристократа, увязшего в своих сословных предрассудках. Она слишком самоуверенна. Но она еще

не знает, как промышленники ведут дела с теми, кто пытается украсть их секреты.

Она сама принесла этот шпионский багаж в мой дом. И теперь мне оставалось только дожидаться ее сундуков, чтобы вскрыть ее тайны с той же хирургической безжалостностью, с которой она сама препарировала души окружающих. Игра только началась. И проигрывать на своей территории я не привык.

Глава 6.

Грохот уроненного деревянного ящика эхом прокатился по анфиладе второго этажа, заставив мелко вздрогнуть тяжелые хрустальные подвески настенных бра. Я как раз закончила проверять прописи Трофима, сидя за столом в классной комнате. Шел пятый день моего вынужденного пребывания в девятнадцатом веке. Левое плечо, плотно стянутое самодельным бандажом под глухой серой блузой, отреагировало на резкий звук тупой, пульсирующей болью, но я лишь стиснула зубы и вышла в коридор.

В полумраке лестничной площадки молодой дюжий лакей неловко переминался с ноги на ногу, потирая ушибленное колено. Старый Кузьма метал в него молнии совершенно ледяным, испепеляющим взглядом. У их ног лежал массивный, окованный потемневшим железом дорожный сундук. Мой сундук. Точнее, багаж настоящей Клары Рожковой, который наконец-то добрался со станции сквозь весеннюю распутицу уездного тракта.

- Осторожнее, ирод, - процедил дворецкий, и в его голосе лязгнул настоящий металл. - Не дрова грузишь. Оцарапаешь паркет - вычту из жалованья.

Я сделала шаг вперед, обозначая свое присутствие. Ортопедические лоферы позволяли мне ступать по старым доскам совершенно бесшумно, поэтому мое появление застави-

ло лакея испуганно вытянуться во фрунт.

- Добрый день, Кузьма. Благодарю, что распорядились доставить мои вещи, - мой голос прозвучал ровно, без малейшей суеты. - Вы можете приказать оставить их у дверей моей спальни. Я сама разберу учебные материалы.

Дворецкий медленно повернулся ко мне. В его выцветших глазах на микроскопическую долю секунды мелькнуло чувство вины. Старик прекрасно помнил, как давеча мое знахарство и отвар ивовой коры вернули подвижность его изъеденным ревматизмом суставам - сегодня он шагал по лестницам без малейшего намека на хромоту. Но многолетняя армейская выучка и абсолютная преданность хозяину поместья предсказуемо взяли верх над личной симпатией.

- Никак нет, мадемуазель Рожкова, - Кузьма вежливо, но непреклонно перегородил мне дорогу к сундуку. - Его сиятельство изволили отдать строгий приказ. Весь ваш багаж надлежит тотчас нести вниз, напрямиком в княжеский кабинет.

Мой пульс даже не участился. Разум кризисного переговорщика, привыкшего мгновенно обрабатывать критические вводные, просчитал ситуацию за долю секунды. Левашов начал охоту. Инженер и прагматик внутри него не смирился с моим внезапным авторитетом в его доме. Он ищет компромат. Чертежи конкурентов, тайные дневники, переписку с сообщниками. Если в этом сундуке лежат метрики или письма родственникам настоящей Клары, моя фальши-

вая личность рухнет прямо на ковре в кабинете князя. Меня в лучшем случае вышвырнут на мороз без гроша в кармане, а в худшем - сдадут уездному исправнику за мошенничество.

Я не стала возмущаться наглостью работодателя, не заламывала руки и не пыталась устроить скандал о нарушении личных границ. Истерика - это инструмент слабых. Вместо этого я включила ледяной, железобетонный аристократизм.

- Разумеется, Кузьма, - мой тон оставался стерильным и деловым. - Воля хозяина - закон для этого дома. Однако в моем багаже находятся хрупкие стеклянные колбы и реактивы, необходимые для уроков естествознания с молодым баринном. Учитывая ту потрясающую ловкость, с которой ваши помощники роняют вещи на лестнице, я прослежу за транспортировкой лично.

Я просто пошла следом за сундуком, лишив прислугу малейшего повода для сопротивления или применения силы.

Тяжелые дубовые створки хозяйского кабинета распахнулись. Лакеи внесли багаж, со стуком опустили его на волшебный паркет прямо перед массивным рабочим столом Левашова и поспешно ретировались, плотно прикрыв за собой дверь.

Кабинет был пуст, но иллюзия безопасности развеялась мгновенно. Из-за приоткрытой двери малой смежной приемной доносился низкий, вибрирующий от сдерживаемой ярости голос Мирона. Князь методично и безжалостно разносил кого-то из старших приказчиков за срыв графиков.

- Я плачу вам жалование не за отговорки про распутицу, - чеканил Левашов так, что в кабинете подрагивали стекла книжных шкафов. - Завтра к полудню подводы с углем должны быть на месте. Иначе можете не возвращаться на завод. Свободны.

У меня было от силы две минуты до того, как он вернется в кабинет.

Я опустилась на колени перед сундуком. Навесной замок оказался примитивным, грубой кузнечной работы - дешевая штамповка, призванная скорее отпугивать честных людей, чем реальных воров. Моя правая рука скользнула в глубокий карман суровой темно-синей шерстяной юбки. Той самой юбки, в которой я вчера сидела на берегу реки. Глину с подола я вычистила жесткой щеткой еще с вечера, но ткань все равно сохранила едва уловимый запах речной сырости. Пальцы нащупали тонкий стальной пинцет из моего реставрационного набора.

Я вставила жесткий конец медицинской стали в узкую скважину, нащупала язычок внутреннего механизма и с силой надавила под правильным углом. Раздался сухой, царапающий щелчок. Тяжелая металлическая дужка отскочила.

Я откинула крышку, ожидая увидеть стопки скучных пособий по французской грамматике, педагогические трактаты или хотя бы чистые нотные тетради. Но то, что ударило мне в нос, пахло дешевой цветочной пудрой, слежавшимся шелком, нафталином и... крепким алкоголем.

Настоящая Клара Рожкова оказалась кем угодно, но только не скромной столичной учительницей.

Внутри в кричащем, животном беспорядке валялись яркие красные корсеты со сложной удушающей шнуровкой, вульгарные бульварные романы в мягких обложках с названиями вроде "Тайны парижских будуаров", три плоские металлические фляжки, небрежно спрятанные в ворохе нижнего белья, и перевязанная легкомысленной розовой лентой пухлая пачка писем.

Холодный расчет заставил меня действовать с хирургической скоростью. Я выхватила здоровой рукой верхнее письмо и пробежала глазами по строчкам. Корявый, нервный женский почерк, следы высохших слез, мольбы к какому-то штабс-капитану покрыть карточные долги и детальный план их совместного побега. Эта столичная мышь была банальной содержанкой и истеричной авантюристкой, сбежавшей с любовником на первой же почтовой станции.

Я молниеносно сунула пачку писем и одну тяжелую фляжку, от которой сквозь резьбу разило терпкой полыньей, в бездонный карман шерстяной юбки. Остальное - компрометирующие корсеты, девичий дневник, бульварщину и две оставшиеся фляжки - я намеренно оставила на самом виду. Я опустила крышку сундука и сжала дужку навесного замка, но не стала вгонять ее в паз до щелчка. Просто оставила висеть на петлях, создавая визуальную иллюзию закрытого механизма.

Я успела выпрямиться и сложить руки в замок на животе ровно за секунду до того, как дверь приемной распахнулась настежь.

Левашов вошел в кабинет. Он был внутренне собран, мрачен и источал ту самую подавляющую ауру абсолютного контроля, которая заставляла его подчиненных терять дар речи. От его темного суконного сюртука пахло морозным воздухом, оружейной смазкой и дорогим табаком. Он сделал два широких шага и остановился у сундука, буравя меня тяжелым, немигающим взглядом хищника, загнавшего добычу в угол.

Он не стал ходить вокруг да около. Промышленный инженер всегда бьет в самую суть конструкции.

- Оставьте нас, Кузьма, - бросил он дворецкому, застывшему на пороге, и, дождавшись щелчка закрытой двери, перевел взгляд на меня. - Ваш багаж, мадемуазель. Ключ. Немедленно.

Я не отвела взгляд. Медленно, с подчеркнутым, ледяным спокойствием я указала кистью на массивный ящик.

- В нем нет нужды, князь, - я отступила на полшага, освобождая ему доступ. - Запорный механизм не защелкнут. Грузчики на уездной станции оказались весьма нерасторопны, замок был поврежден в дороге. Я как раз собиралась проверить, не пропало ли чего из моих вещей.

Мирон чуть сузил глаза. Моя абсолютная, мертвая покорность явно выбила его из колеи, но он не собирался отсту-

пать. Он подошел вплотную, сбросил с петель висящую дужку и резким рывком откинул тяжелую крышку.

Его острый аналитический ум был настроен на поиск сложных математических шифров, секретных чертежей его заклятого конкурента Наместникова, списков политических заговорщиков или деталей для промышленной диверсии. То, что он увидел, заставило его замереть статуей самому себе.

Дешевые кричащие кружева. Бульварная макулатура про любовников. Запах сомнительного цветочного парфюма.

Произошел жесткий системный сбой. Князь медленно, словно преодолевая невидимое сопротивление воздуха, выпрямился. Он переводил ошеломленный взгляд с этого пошлого, вульгарного мусора на меня - женщину в суровой, закрытой одежде, с серебром седины в волосах, которая сегодня утром заставила его сына ясно мыслить и препарировала труп крысы. В его голове эти две картинки не могли сойтись даже под давлением гидравлического пресса.

- И что же это? - голос Левашова прозвучал подозрительно тихо, но в нем прорезался откровенный, злой сарказм. Он брезгливо подцепил двумя крупными пальцами мягкую обложку "Парижских тайн". - Так вот они, те самые передовые рекомендации европейских докторов, о которых вы мне изволили вещать на днях? Дешевые французские небылицы и, - он пнул носком блестящего сапога выглядывающий шелковый корсет, - предметы гардероба девиц весьма определенного поведения?

Я смотрела на него абсолютно непроницаемым, академическим взглядом. Это был покер-фейс высшего пилотажа, отточенный сотнями бесед с агрессивными родителями в моем прошлом времени.

- Для того чтобы оградить неокрепший ум подростка от пагубного влияния бульварной литературы, компетентный воспитатель обязан знать врага в лицо, князь, - мой тон был сух и стерилен, как процедурный кабинет. - Эти книги были изъяты мной у предыдущей пятнадцатилетней воспитанницы. Что же касается корсетов, то я везу их исключительно как наглядное анатомическое пособие. Если вы желаете, я могу прямо сейчас прочитать вам подробную лекцию о том, как жесткая шнуровка китовым усом необратимо деформирует нижние ребра и приводит к смещению внутренних органов таза. Учитывая ваш постоянный профессиональный интерес к расчету нагрузок при строительстве мостов, механика разрушения человеческого костного каркаса должна показаться вам весьма занятой.

Ложь была настолько наглой, тяжеловесно-научной и произнесенной с таким железобетонным достоинством, что у Мирона просто не нашлось фактов, чтобы ее опровергнуть.

Вся его стройная параноидальная теория о блестящей, хладнокровной шпионке рухнула, погребенная под грудой розового шелка. Опасные террористки и промышленные шпионы высшего звена не возят с собой подобный мусор.

На породистом, жестком лице князя отразилась сложная,

почти болезненная смесь раздражения, глубокой растерянности и невольного уважения к моей непробиваемой выдержке. Он с силой, заставившей вздрогнуть бронзовую чернильницу на столе, захлопнул крышку сундука.

- Заберите это убожество с моих глаз, мадемуазель Рожкова, - процедил он, тяжело опускаясь в свое рабочее кресло и растирая виски. - И чтобы духу этой парижской макулатуры не было рядом с моим сыном. Вы свободны.

Я вежливо кивнула и покинула кабинет. Я выиграла эту битву на его территории без единой царапины.

Глубокой ночью усадьба погрузилась в тяжелую, глухую тьму. Лишь изредка с реки доносился протяжный, сырой ветер, царапающий голыми ветками старой сирени по деревянной обшивке веранды за моим окном.

Я сидела на корточках перед жарко топящимся камином в своей комнате. Никаких театральных вздохов облегчения. Никакой нервной дрожи в руках. Только холодный прагматизм патологоанатома, завершающего грязную работу.

На коленях у меня лежала пачка писем. Я вдумчиво, строку за строкой, читала украденные из сундука послания. Текст окончательно и бесповоротно подтвердил мою первоначальную теорию: Клара была лживой, экзальтированной пустышкой, которая мастерски тянула деньги из старика-отца и попутно крутила роман с гвардейцем. Я методично, действуя только здоровую правую руку, рвала компромат на мелкие куски.

Бросать их в огонь камина было глупо и ненадежно - легкие, недогоревшие клочки бумаги могли запросто вылететь в трубу или остаться читаемыми в золе, попав на глаза пронырливой прислуге. В моем бывшем времени такие мелкие ошибки стоили карьеры. Я сбросила белые обрывки в глубокий фарфоровый таз для умывания, залила их ледяной водой из кувшина и долго, безжалостно перетирала пальцами. Я месила эту массу до тех пор, пока чернила полностью не растворились, а плотная бумага не превратилась в вязкую, однородную серую кашу. Затем я тихо открыла створку окна и выплеснула эту жижу с веранды прямо в раскисшую, мокрую весеннюю землю старого сада.

Улики были уничтожены навсегда. Настоящая Клара Рожкова официально перестала существовать в этом доме.

Вернувшись к столу, я вытерла руки жестким полотенцем, зажгла фитиль керосиновой лампы и достала из кармана юбки свой последний трофей. Металлическая фляжка тяжело легла в ладонь. Я открутила колпачок.

В нос моментально ударил резкий, концентрированный запах горькой полыни, аниса и чистого спирта. Я принялась, задействуя свои химические знания из уничтоженного двадцать первого века. Абсент. Практически чистый, семидесятиградусный травяной дистиллят, который легкомысленная гувернантка везла с собой, чтобы тайно скрашивать скучные вечера в провинции.

Мозг кризисного дефектолога моментально присвоил

этой находке высший уровень ценности. В тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, в мире, где само понятие антибиотиков еще не существовало, а нормальная анестезия сводилась к токсичному хлороформу с дикими побочными эффектами, это был не просто алкоголь. Это было жидкое золото. Полноценный хирургический антисептик и мышечный релаксант в одном флаконе. Базовый инструмент выживания для человека, привыкшего спасать чужие жизни.

Я плотно закрутила крышку и надежно спрятала фляжку на самое дно своего дорожного саквояжа, задвинув его ногой глубоко под кровать.

Анализируя прошедший день, я понимала главное. Я выиграла для себя время. Моя придуманная на ходу легенда устояла перед первой серьезной атакой князя Левашова. Но Мирон был слишком умен, проницателен и по-звериному подозрителен, чтобы окончательно удовлетвориться моими научными байками об анатомических корсетах. Он продолжит наблюдать. Наша шахматная партия уверенно перешла в миттельшпиль, ставки взлетели до небес, и теперь права на малейшую ошибку у меня не было совсем.

Глава 7.

Биомеханика человеческого страха работает по одним и тем же жестким законам, независимо от того, какой век стоит на дворе. Когда лимбическая система фиксирует внезапную угрозу, она мгновенно отключает кору головного мозга, отдавая тело во власть древних, первобытных инстинктов: бей, беги или замри. Трофим в силу своей сломанной психики обычно замирал. Я потратила почти неделю на то, чтобы вытащить его из этой глухой раковины оцепенения, но все мои усилия едва не пошли прахом в одно сырое весеннее утро.

Мы возвращались с короткой ботанической прогулки от реки. Воздух в хозяйственном дворе усадьбы был тяжелым, он густо пах прелым сеном, дегтем, влажным старым деревом и концентрированным ароматом лошадиного пота. Тишину пасмурного дня внезапно разорвал оглушительный, резкий треск - кто-то из нерасторопных плотников сбросил с телеги массивную связку дубовых досок прямо у ворот конюшни.

Молодой, еще не объезженный вороной жеребец, которого старший конюх как раз выводил на длинной корде, отреагировал мгновенно. Издав истошное, пронзительное ржание, он свечой взвился на дыбы, молотя передними копытами свинцовое небо. Крепкий парень Ванька попытался удержать натянувшийся повод, но массивное, полное дикой энер-

гии животное дернуло шеей с такой силой, что человека просто оторвало от земли и швырнуло в сторону, словно легкую тряпичную куклу.

Раздался глухой, тошнотворный звук удара. Человеческое тело на полном ходу влетело в массивную бревенчатую коновязь. Ванька рухнул в жидкую весеннюю грязь и закричал так, что у меня рефлекторно похолодело внутри. Жеребец, продолжая биться в истерике, вырвался на свободу.

Я физически почувствовала, как Трофим, стоящий в полуметре от меня, превратился в соляной столб. Его слабое дыхание мгновенно сбилось, грудная клетка застыла на полувдохе, а зрачки расширились, полностью затапливая радужку черным, животным ужасом. Резкий звук и насилие - триггер сработал безупречно. Еще секунда, и мальчик рухнет в глухую паническую атаку с тяжелейшим речевым спазмом и потерей сознания.

Никаких уговоров. Никакого ласкового сюсюканья, которое только усугубляет панику. Я резко развернулась к ребенку и жестко, до легких синяков, сжала его худые плечи, заставляя смотреть только на меня.

- Трофим! - мой голос ударил его, как физическая пощечина, пробиваясь сквозь нарастающий гул в его ушах. - Посмотри на ворота. Видишь кованые гвозди на железных петлях? Считай их. Вслух. Громко. Прямо сейчас!

- О-о-о... - из его перехваченного спазмом горла вырвался жалкий, рванный клекот. Он попытался зажмуриться.

- Считай! - я встряхнула его, не снижая ледяного давления. - Один!

- Д-два... т-три... ч-четыре... - судорожно выдавил ребенок, не отрывая остекленевшего взгляда от черного металла.

Его мозг вынужденно переключился на обработку простой логической задачи, выстраивая спасительный аналитический барьер между сознанием и бушующим вокруг хаосом. Убедившись, что базовый протокол заземления запущен и Трофим методично шевелит губами, я бросилась к пострадавшему.

Вокруг уже собиралась растерянная дворовая челядь. Люди суетились, бестолково охали, кто-то мелко крестился, но никто не знал, что делать. Я опустилась на колени прямо в холодное, чавкающее месиво раскисшего двора. Плотная шерсть моей темно-синей юбки мгновенно пропиталась ледяной влагой. "Вторая испорченная вещь за неделю", - мелькнула сухая, отстраненная мысль, но это волновало меня сейчас меньше всего.

Ванька страшно выл, захлебываясь воздухом, и инстинктивно прижимал здоровую правую руку к левому плечу. Я перехватила его покрытое грязью запястье и быстро, профессионально ощупала сустав сквозь грубую ткань крестьянской рубахи.

Классический, тяжелейший передний вывих. Головка плечевой кости выскочила из суставной впадины и неестественно, уродливым твердым бугром выпирала под натяну-

той кожей. Рука повисла безжизненной плетью, стремительно наливаясь свинцовой синевой. Я прижала пальцы к его запястью - пульс был нитевидным, частым.

- Лошадей закладывайте! - истошно закричал над моим ухом подоспевший старший конюх, хватаясь за голову. - За доктором Штольцем в город лететь надо, иначе без руки парень останется! Кровь застоялась!

Мой мозг кризисного диагноста мгновенно просчитал математику катастрофы. До уездного города - больше часа бешеной скачки по раскисшему весеннему тракту. Еще час, а то и полтора обратно. К тому моменту, когда Штольц раскроет свой медицинский саквояж, пройдет не менее трех часов. Мощные мышцы молодого парня, физиологически защищая травмированное место, уже начали сжиматься в жесткий, каменный спазм. Через три часа они задубеют настолько, что вправить кость без глубокого общего наркоза будет физически невозможно. А токсичный хлороформ есть далеко не у каждого провинциального лекаря. Итог промедления - некроз тканей из-за пережатых кровеносных сосудов и навсегда усохшая, парализованная конечность.

Действовать нужно было прямо сейчас, в этой грязи, пока нарастающий болевой шок окончательно не убил сознание парня.

Я вскинула голову и выхватила взглядом самого проворного мальчишку-посыльного, застывшего с раскрытым ртом у водопоя.

- Эй, ты! - я указала на него вымазанным в глине пальцем. В моем тоне не было ни капли женской истерики, только сухой, рубящий армейский металл. - Бегом на второй этаж. Моя комната, в самом конце коридора. Под кроватью стоит темный саквояж. На самом дне, под вещами, лежит плоская металлическая фляжка. Тащи ее сюда. Одна нога здесь, другая там!

Мальчишка сорвался с места так, словно за ним гнались черти. Моя абсолютная, ледяная уверенность моментально парализовала волю прислуги. Они привыкли подчиняться силе, а внутренней силы в моем голосе сейчас было больше, чем в заводском прессе князя Левашова.

- Вы двое, - я посмотрела на раскрасневшегося конюха и подоспевшего дюжего кузнеца в кожаном фартуке, - садитесь на землю по обе стороны от него. Держите его за грудную клетку и талию. Намертво. Прижмите своим весом. Что бы он ни делал, как бы ни извивался и ни кричал - не отпускать.

Парня била крупная дрожь. Его лицо приобрело землисто-серый оттенок, губы посинели. Адская боль выкачивала из него жизнь с каждой секундой.

Посыльный кубарем вылетел из дверей людской и подлетел ко мне, тяжело дыша и протягивая мой вчерашний трофей из багажа легкомысленной гувернантки Клары.

Я отвинтила крышку. Воздух двора мгновенно разрезал концентрированный, сладковато-горький запах горькой полыни, аниса и чистого спирта. Абсент. Почти семидесяти-

градусный дистиллят, жидкое золото в условиях абсолютно-го отсутствия медикаментов.

- Открой рот, - приказала я Ваньке, поднося горлышко прямо к его лицу. - Пей.

Он замотал головой, не понимая, что происходит, но я жестко зажала ему нос свободной рукой. Когда парень рефлекторно разжал челюсти, чтобы вдохнуть воздуха, я хладнокровно влила ему в горло добрую треть металлической фляжки.

Ванька поперхнулся, страшно закашлялся, из глаз брызнули слезы, но дело было сделано. Крепчайший алкоголь мгновенно ударил в кровь, работая как мощнейший миорелаксант. Острота боли притупилась, жесткий мышечный спазм начал едва заметно ослабевать.

Остатки абсента я щедро вылила на свои ладони, методично растирая едкую, обжигающую жидкость по коже. Дезинфекция в девятнадцатом веке - это не вопрос эстетики, это вопрос базового выживания.

Я не собиралась дергать его руку наугад или героизмовать, пытаюсь вправить кость одним красивым движением пальцев. В дешевом кино такие фокусы выглядят эффектно, в реальности они заканчиваются порванными связками и навсегда раздробленными хрящами. Я знала анатомию. Я собиралась использовать голую физику. Метод Гиппократ - старый, жестокий, но абсолютно безотказный рабочий протокол.

Сев прямо в ледяную грязь напротив пострадавшего, я вытянула правую ногу и уперлась пяткой своей жесткой ортопедической туфли глубоко в подмышечную впадину конюха, надежно фиксируя сустав. Затем я крепко обхватила его посиневшее предплечье обеими руками. Мое собственное левое плечо, травмированное падающим стеллажом несколько дней назад, отозвалось пульсирующей, предупреждающей болью под плотной тканью блузы. Я проигнорировала ее, до скрипа стиснув зубы. Адреналин сделает свое дело.

- Держите его! - рывкнула я мужикам.

Я начала тянуть. Медленно, плавно, методично увеличивая усилие. Я не дергала. Я просто откидывала корпус назад, используя весь свой вес как мощный противовес чудовищному напряжению его мышц. Ванька закричал - хрипло, страшно, по-животному. Кузнец и конюх навалились на него, вдавливая извивающееся тело в землю.

Соппротивление тканей было колоссальным. На моем лбу выступила холодная испарина, прядь волос выбилась из строгой прически и прилипла к щеке. Секунды растянулись в густую, вязкую бесконечность. Я чувствовала под пальцами, как натянуты его сухожилия, словно корабельные канаты. Я продолжала тянуть, намертво упираясь пяткой и задавая правильный вектор тракции. Еще миллиметр. Еще немного.

И внезапно сопротивление исчезло.

Раздался громкий, влажный, глухой щелчок - прекрасный звук кости, вставшей в свою природную суставную сумку.

Ванька мгновенно обмяк, потеряв сознание от резкого болевого перепада и ударной дозы спиртного. Но его рука, еще секунду назад похожая на изуродованную ветку, легла ровно. Синева на пальцах начала медленно, но верно отступать. Кровоток был восстановлен.

Я тяжело выдохнула, выпуская его горячее запястье. Мое собственное сердце билось где-то в горле. Мышцы спины и левого плеча горели огнем от дикого перенапряжения. Я убрала ногу, с трудом поднялась с земли и молча протянула руку. Кто-то из ошеломленных слуг поспешно вложил в нее кусок чистой суровой холстины.

Я стояла посреди двора, методично стирая с пальцев грязь и чужую кровь с содранного локтя конюха. И только в этот момент мой мозг, вышедший из режима экстренного медицинского протокола, зафиксировал странную, неестественную тишину.

Люди не перешептывались. Конюхи, прижимавшие Ваньку к земле, застыли, глядя не на меня, а куда-то мне за спину. Даже Трофим, который стоял у ворот и все это время шепотом считал гвозди, прервал свой счет и настороженно сжался.

Я медленно повернулась.

В глубокой тени широкого навеса над каретным сараем стоял мужчина. Он явно не принадлежал к прислуге, но в

нем не было и той холодной, отстраненной военной выправки, которая отличала князя Левашова. Это был крупный, по-медвежьи грациозный человек лет сорока в распахнутом дорогом европейском пальто из плотного темного драпа. Под пальто виднелся безупречно сшитый жилет, а на пальцах правой руки тускло блеснуло массивное золотое кольцо. Широкие плечи, уверенная посадка головы, острый, цепкий взгляд человека, привыкшего оценивать всё в этом мире в звонкой монете.

Купец Остап Наместников. Тот самый заклятый конкурент Мирона, выскочка из низов, о котором старый Кузьма вскользь упоминал на днях. Он, судя по всему, прибыл в усадьбу без доклада и стал свидетелем всей кровавой сцены от начала до конца.

В его прищуренных глазах не было брезгливости или бледного шока столичного аристократа при виде боли и грязи. Там горел темный, хищный, абсолютно неприкрытый интерес дельца, который внезапно обнаружил на чужой территории сложный, неопознанный, но крайне ценный механизм.

Наместников сделал шаг из тени. Он медленно, с расстановкой поднял руки в тонких кожаных перчатках и сделал два подчеркнуто громких хлопка в ладоши. Звук гулко разнесся по затихшему двору.

- Браво, - его голос оказался глубоким, с легкой, почти незаметной простонародной хрипотцой, которую не смогли вытравить никакие миллионы. Он подошел ближе, намерен-

но нарушая мое личное пространство. От него пахло хорошим табаком, дорогой выделанной кожей и морозом.

Остап окинул меня долгим, препарирующим взглядом - от растрепанных темных волос с явным серебром седины до перепачканной в глине шерстяной юбки.

- Признаться, я изрядно удивлен, сударыня, - произнес он, и на его губах заиграла опасная, испытывающая усмешка. - Я-то грешным делом думал, что столичных гувернанток нынче обучают исключительно брэнчанию на фортепиано да французским стишкам. А вы, погляжу, мастерски владеете костоправным делом и не брезгаете распивать крепкие спирты с дворовыми мужиками. Весьма... нестандартный педагогический подход для княжеского дома.

Я не отвела взгляд. Не покраснела. Не попыталась суетливо оправдаться или отряхнуть испачканный подол, как сделала бы любая женщина ее эпохи, застигнутая врасплох в непотребном виде. Моя броня была на мне, и пробить ее купеческим сарказмом было невозможно.

Я бросила грязную холстину на край деревянной колоды и посмотрела на Наместникова тем самым непроницаемым, мертвым взглядом кризисного переговорщика, от которого пасовал даже Левашов.

- Если вы путаете основы прикладной биомеханики с балаганным костоправством, сударь, то это досадный пробел в вашем образовании, а не в моей компетенции, - ответила я ровным, ледяным тоном, от которого снисходительная улыбка

ка на его лице слегка дрогнула. - А что касается спиртов, то это базовая хирургическая антисептика. Впрочем, человеку, который предпочитает стоять в тени и наблюдать за тем, как другой человек может остаться калекой на всю жизнь, вряд ли знакомы подобные термины.

Я повернулась к старшему конюху, полностью игнорируя застывшего купца.

- Перенесите его в людскую. Руку туго примотать к туловищу широким полотенцем, чтобы зафиксировать сустав. Первые три дня повязку не снимать ни при каких обстоятельствах.

Развернувшись на каблуках, я подошла к Трофиму, который смотрел на меня с нескрываемым, почти мистическим восхищением. Я молча взяла мальчика за руку и повела к каменным ступеням усадьбы. Спиной я физически чувствовала тяжелый, прожигающий взгляд Остапа Наместникова. Купец молчал, но я знала: он только что провел оценку моего актива, и последствия этой оценки мне не понравятся.

Глава 8.

- Признайтесь, сударыня, вы ведь не французским глаголам обучались в столице? - голос Остапа Наместникова прозвучал с той обманчивой, бархатной мягкостью, за которой умные, битые жизнью дельцы обычно прячут намертво захлопывающийся стальной капкан.

Я не стала отвечать сразу. Медленно, методично вытерла испачканные в чужой крови и серой весенней глине руки о брошенную на край деревянной колоды холстину. Резкий, концентрированный запах семидесятиградусного абсента, которым я дезинфицировала кожу перед тем как вправлять сустав конюху, намертво перебивал тяжелые ароматы сырого двора, прелого сена и лошадиного пота. Моя единственная темно-синяя шерстяная юбка, которую я уже во второй раз за неделю фатально вымазала в жидком месиве, отяжелела от влаги и противно липла к ногам. Если я в ближайшие сутки не вытребую у экономки отрез нормального сукна и местную портниху, то моя карьера в девятнадцатом веке бесславно закончится банальным воспалением легких.

- Трофим, - я отвернулась от купца и посмотрела на застывшего у ворот мальчика. Мой тон был абсолютно ровным, без единой эмоциональной примеси. Это был якорящий голос, за который его распадающееся сознание могло безопасно зацепиться. - Ступай в дом. Тщательно вымой ру-

ки карболовым мылом, по самый локоть. Затем выпей стакан теплой воды мелкими глотками и жди меня в классной комнате. Мы продолжим наши занятия.

Ребенок коротко, судорожно моргнул. Его расширенные зрачки уже начали сужаться, реагируя на четкую, алгоритмичную задачу, грудная клетка опустилась в нормальном, глубоком выдохе. Базовый протокол вывода из острого стресса сработал безупречно. Как только тяжелые парадные двери усадьбы поглотили худенькую фигуру наследника, неизбежный физиологический откат настиг и меня. Левое плечо, травмированное падающим стеллажом в день моего появления здесь и плотно стянутое самодельным бандажом под глухой блузой, дернуло тяжелой, вязкой болью. Растянутые связки жестоко мстили за физическое усилие при вправлении чужой кости.

Наместников сделал шаг вперед, намеренно нарушая невидимую сословную границу. В его прищуре не было сального мужского интереса, который так легко пресечь одним презрительным взглядом или пощечиной. Купец смотрел на меня оценивающе, как на уникальный, нигде не учтенный дорогой актив, внезапно обнаруженный им на чужой деланке.

- Вправлять тяжелые вывихи по методу Гиппократы, сидя прямо в ледяной грязи, да еще и использовать высокоградусный полынный дистиллят в качестве миорелаксанта...
- он тихо усмехнулся, опираясь двумя крупными руками в

тонких кожаных перчатках на набалдашник своей массивной трости. От его распахнутого европейского пальто из темного драпа ощутимо тянуло хорошей выделкой и дорогим табаком. - Весьма специфические навыки для девицы, нанятой проверять детские прописи. Вы даже не побледнели от вида крови, мадемуазель.

- Обыватели склонны мистифицировать простую биомеханику и базовую анатомию, сударь, - ответила я стерильным, академическим тоном. Моя привычная броня переговоровщика была на месте, пряча нарастающую усталость. - Если вы закончили с оценкой моих скромных талантов, я вернусь к своим прямым обязанностям. Хозяин этого дома платит мне за уроки, а не за беседы во дворе.

- Отчего же скромных? - Остап совершенно не собирался отступать. Его звериное деловое чутье подсказало ему сменить тактику лобовой атаки. Он отвернулся от меня и задумчиво посмотрел в сторону низкого свинцового неба, откуда сквозь сырой воздух доносился глухой, ритмичный стук парового молота. Завод Левашова продолжал тяжело дышать металлом.

- Князь упрям, как казенный мул, - бросил купец, словно рассуждая вслух сам с собой. - Гробит столько капитала на этот железнодорожный мост, а сроки горят синим пламенем. Уральский чугун слишком хрупок для подобных пролетов, он не выдержит зимних перепадов температур. Да и весенняя распутица съела все графики. Подводы с углем вязнут

по самые оси на тракте, приказчики разводят руками. Грязь-с. Не одолеть ему эту стройку до осени. Контракт неизбежно уйдет в казну.

Мой мозг, годами натренированный на мгновенный аналитический разбор и еще не вышедший из режима экстренного решения проблем, сработал быстрее базового инстинкта самосохранения. В моем прошлом времени я слишком часто выслушивала исповеди отцов моих пациентов - крупных бизнесменов и строительных магнатов, - чтобы не разбираться в основах проектного управления.

- Проблема вовсе не в распутице, - мой голос прозвучал сухо, хлестко и безапелляционно. - Валить срывы графиков поставок на погодные условия - это очевидный маркер управленческой некомпетентности на местах. Системная ошибка заложена в самом логистическом плече. Если разбить длинный маршрут на три короткие накопительные базы вместо одной прямой линии от шахт до завода, грязь на тракте перестанет быть фатальным фактором задержки.

Я сделала короткий вдох, машинально растирая замерзшие пальцы правой руки, и, совершенно забывшись, продолжила препарировать его слова с холодностью инженера:

- Что касается уральского чугуна, то вопрос заключается не в его мифической хрупкости, а в коэффициенте примесей. Без правильного расчета предела текучести сплава и точного математического понимания распределения углерода в кристаллической решетке, любой мост рано или поздно

рухнет от банальной цикличной вибрации тяжелогруженого состава. Это элементарный сопромат. Решается добавлением легирующих элементов на этапе плавки, а не жалобами на зиму.

Слово «сопромат» повисло в стылом воздухе двора.

Тишина, мгновенно опустившаяся на нас, казалась гуще и тяжелее речной глины под моими ногами. Я осеклась. Мои зубы сухо щелкнули, с силой прикусив изнанку щеки. Катастрофа. Из-за банальной профессиональной деформации и адреналинового шлейфа я только что выдала концепции, о которых в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году в России рассуждали разве что избранные профессора в технических институтах. И уж точно эти термины не могли слететь с губ наемной гувернантки.

В глазах Наместникова вспыхнул темный, абсолютный, ничем не прикрытый восторг. Он мгновенно сложил все переменные в уме. Его крупное, породистое лицо хищно подобралось.

- Логистическое плечо... Предел текучести сплава... Цикличная вибрация... - он буквально смаковал каждое незнакомое, но безупречно точное слово, пробуя его на вкус. Он сделал еще один стремительный шаг ко мне, оказавшись так близко, что я могла разглядеть тонкие красные прожилки на белках его умных, цепких глаз.

- Какая невероятная, восхитительная ложь вся эта ваша Клара Рожкова, - выдохнул купец. В его тоне больше не бы-

ло снисходительности. Там пульсировало чистое, искреннее уважение. - Я понятия не имею, кто вы такая на самом деле и от кого прячетесь в этом мрачном склепе, мадемуазель. Но в моей торговой империи подобные выдающиеся умы ценятся на вес золота. Настоящего, полновесного золота, а не княжеских копеечных подачек.

Он понизил голос до низкого, вибрирующего интимного шепота, от которого у любой обывательницы задрожали бы колени:

- Рано или поздно Левашов начнет задавать вопросы, на которые вы не сможете или не захотите отвечать. Мой городской дом всегда открыт для вас. Любые деньги, любые условия. Мое слово тверже стали.

Я уже набрала в грудь холодного воздуха, чтобы окатить его порцией ледяного презрения, восстановить личные границы и закрыть эту чудовищно опасную тему, но внезапно слова застряли у меня в горле.

На верхней каменной ступени парадного крыльца стоял Мирон Левашов.

Я не знала, как долго он там находился и какие именно обрывки фраз донеслись до него сквозь шум мартовского ветра. Внешне князь казался воплощением мрачного, непоколебимого контроля. Его темный суконный сюртук сидел идеально, широкие плечи были развернуты в привычной подавляющей выправке кадрового военного. От него физически веяло властью. Но мой натренированный взгляд кризисного

психолога моментально считал физиологические признаки критического напряжения. Линия его жесткой челюсти закаменела так, что под светлой кожей отчетливо перекачивались желваки. Глубоко посаженные глаза превратились в две темные, испепеляющие щели.

Он видел, как непозволительно близко ко мне стоял Остап. Видел неприкрытый, обжигающий азарт на лице своего главного конкурента по бизнесу. Прагматичный разум Левашова предсказуемо попытался замаскировать вспыхнувшую, иррациональную и дикую ревность под банальный, холодный гнев хозяина усадьбы из-за нарушенной прислугой субординации.

Мирон начал спускаться. Тяжелые каблуки его сапог отбивали по камню четкий, угрожающий ритм. Он остановился в трех шагах от нас, возвышаясь над двором как непреодолимая скала.

- Наместников, - голос князя лязгнул морозным железом, в нем не было даже формального намека на светское приветствие. - Я совершенно не припоминаю, чтобы мы назначали встречу на сегодняшний день. Мой старший управляющий ждет вас в конторе в уездном городе. Вся документация по поставкам угля находится там.

Остап не дрогнул и не отступил ни на миллиметр. Он лишь чуть шире расставил ноги, принимая этот безмолвный силовой вызов, и на его губах заиграла уверенная, сытая усмешка человека, который только что обнаружил на чужой

земле золотую жилу.

- Ехал мимо вашего поместья, ваше сиятельство. Услышал крики со двора. Решил проверить, не нужна ли срочная помощь, - купец вальяжно оперся на свою трость, всем своим видом демонстрируя пренебрежение к княжескому гневу. - Впрочем, моя помощь здесь категорически не потребовалась. Ваша новая наставница справляется с катастрофами куда эффективнее любого дипломированного лекаря. И, смею заметить, рассуждает о пределах текучести уральских сплавов изящнее ваших высокооплачиваемых столичных инженеров. Берегите этот бриллиант, князь. Иначе уведут. И глазом моргнуть не успеете.

Идеальная, ледяная, выверенная поколениями вежливость потомственного аристократа намертво сцепилась с харизматичной, тяжеловесной наглостью миллионщика. Они формально говорили о сплавах, конюхах и медицине, но подтекст звенел от убийственного напряжения. Два крупных хищника жестокого промышленного мира прямо сейчас делили территорию, и эпицентром этой невидимой линии фронта была я.

Мирон даже не удостоил Наместникова прямым ответом. Его взгляд, тяжелый, подавляющий и абсолютно нечитаемый, медленно переместился на мое лицо. В этих темных глазах смешались подозрительность, острый аналитический расчет и что-то еще - глухое, темное и собственническое, от чего мне стало физически неуютно даже сквозь мою желез-

бетонную профессиональную броню.

- Ваше место в классной комнате рядом с моим сыном, мадемуазель Рожкова, - чеканя каждый слог, как приговор, произнес Левашов. - В мои правила категорически не входят светские беседы прислуги с посторонними визитерами на хозяйственном дворе. Немедленно приступайте к своим прямым обязанностям.

Я не стала спорить, оправдываться или изображать оскорбленную женскую невинность. В этой шахматной партии мой фатальный ход был уже сделан. Я коротко, сухо кивнула обоим мужчинам, фиксируя свое формальное подчинение правилам игры, и направилась к лестнице. Мои ортопедические туфли, покрытые коркой засыхающей глины, бесшумно и тяжело ступали по холодному камню.

Поднимаясь по высоким ступеням, я физически чувствовала спиной два скрестившихся, обжигающих взгляда. Искушающий, зовущий, полный делового азарта взгляд купца и тяжелый, прожигающий насквозь, контролирующий взгляд князя. Иллюзия моей безопасности растаяла как дым. Маска глупой, испуганной столичной мыши Клары Рожковой была уничтожена окончательно и безвозвратно. Теперь я находилась в самом эпицентре надвигающейся войны двух промышленных титанов, и права на следующую ошибку у меня больше не было.

Глава 9.

Искренний смех - это самый сложный физиологический и психологический акт, требующий полного расслабления диафрагмы и моментального снятия всех внутренних защитных блоков. Для обычного человека это естественная реакция. Но для травмированного ребенка, чья нервная система годами зажата в безжалостные тиски протестного невроза и страха перед физическим наказанием, рассмеяться в голос - это все равно что покорить горную вершину без кислородного оборудования.

Мы сидели на перевернутых деревянных ящиках в заброшенной оранжерее. Воздух здесь был густым, тяжелым, он пах прелой прошлогодней листвой, влажной землей и глубокой ржавчиной старых чугунных труб, которые когда-то давно, еще при жизни жены князя, отапливали этот стеклянный склеп. Сквозь мутные, заросшие плотным зеленым мхом рамы пробивался тусклый свет пасмурного весеннего дня, выхватывая танцующие пылинки.

Трофим бережно, почти не дыша, держал в худых, перепачканных сухой землей руках сойку. У лесной птицы было перебито крыло, но оно уже покоилось в аккуратной, удивительно жесткой самодельной шине из тонких ивовых прутьев и суровой бечевки.

- Я нашел ее сегодня на рассвете, за старыми парниками, -

голос мальчика звучал тихо, но ровно. Он был так поглощен своим тайным секретом, так отчаянно хотел получить оценку своей работы, что его мозг просто забыл выстроить привычную мышечную стену перед речевым аппаратом. - Собаки, наверное, загнали в угол. Я подумал, если кости срастаются у дворовых мужиков, то и у нее должно получиться. Правильно затянул? Вчера вы ведь тянули сильно.

Я внимательно осмотрела конструкцию, принципиально не прикасаясь к птице, чтобы лишний раз не провоцировать у напуганного существа тахикардию.

- Для первого раза в полевой хирургии - весьма недурно, Трофим, - произнесла я сухим, академическим тоном. Я намеренно общалась с ним не как с несчастным ребенком, а как со старшим ординатором на утреннем обходе. - Вектор фиксации выбран абсолютно верно. Но если ты планируешь и дальше практиковать травматологию, тебе придется научиться вязать правильные медицинские узлы. Иначе твой пернатый пациент легко снимет эту повязку клювом к завтрашнему утру, и начнется некроз.

Трофим на секунду замер. Его сознание, привыкшее исключительно к крикам отца, ударам линейкой по пальцам от прежних учителей или холодному равнодушию прислуги, усиленно обрабатывало мою безэмоциональную, сухую иронию. А затем напряженные уголки его губ дрогнули, линия худых плеч опустилась, и под стеклянные, грязные своды старой оранжереи взлетел чистый, звонкий мальчишеский

смех.

Я смотрела на его расслабленное, перепачканное лицо, и внутри меня внезапно шевельнулось что-то теплое, болезненное и чудовищно опасное. То самое забытое, растоптанное материнское чувство, которое я заживо похоронила десять лет назад вместе со своим собственным сыном в другой, недостижимой теперь реальности. Мой внутренний кризисный психолог мгновенно забил тревогу. Я жестко, безжалостно подавила этот импульс, загоняя его обратно в темный угол подсознания под бетонную плиту профессионализма. Я врач. Он мой пациент. Никакой эмоциональной привязанности, никаких личных проекций. Иначе я просто не смогу действовать хладнокровно, когда в этом мрачном доме грянет настоящий кризис.

- Выпускай ее в дальний вольер, там безопасно, - я поднялась, опираясь подол. Жесткая щетка и ледяная вода вчера вечером сделали свое дело, отчистив глину, но вторая подряд испорченная юбка вынудила меня пойти на жесткие дипломатические переговоры с экономкой. В итоге я отвоевала себе новое темно-коричневое суконное платье из запасов прежних компаньенок - глухое, тяжелое, зато абсолютно чистое и без корсета. - Нам пора возвращаться к латыни.

Поздним вечером старый дом традиционно погрузился в стылый полумрак. Я шла по длинному коридору второго этажа, чувствуя, как ноют перенапряженные мышцы левого плеча и спины после вчерашнего силового вправления сустава.

ва конюху.

У верхней площадки лестницы меня ждал Кузьма. Дворецкий стоял прямо, не опираясь на резные деревянные перила. Моя примитивная химическая вытяжка из коры белой ивы работала исправно - старик больше не приволакивал правую ногу, хотя по его плотно сжатым губам было отчетливо видно, что ползущая от реки сырость все еще доставляет ему дискомфорт в суставах.

- Мадемуазель Рожкова, - Кузьма чуть склонил голову, когда я поравнялась с ним. В его тоне появилось то неуловимое уважение, которого не заслуживала ни одна прежняя гувернантка. - Его сиятельство ожидают вас в библиотеке. Сей же час.

Я коротко кивнула и направилась к лестнице. Мой разум переговорщика уже начал методично выстраивать многоуровневую защиту. Я прекрасно помнила вчерашнюю сцену на хозяйственном дворе. Мирон видел, как непозволительно близко стоял ко мне Остап Наместников. Слышал обрывки фраз и точно зафиксировал неприкрытый, плотоядный деловой интерес в глазах своего конкурента. Я не сомневалась, что сейчас меня ждет агрессивный допрос с пристрастием и, возможно, увольнение.

В библиотеке горели желтые керосиновые лампы, отбрасывая длинные, подрагивающие тени на корешки старинных фолиантов. В воздухе стоял привычный, будоражащий рецепторы запах бумажной пыли, хорошего табака и тонкой,

металлической ноты оружейной смазки.

Мирон сидел за массивным столом, освещенный лишь локальным кругом света от настольной лампы. На нем был строгий темный жилет поверх безупречно белой сорочки, которая резко оттеняла жесткие, рубленые черты его лица. Никакой вечерней расслабленности. Поза человека, который готов к нападению и тотальному контролю.

Я остановилась в трех шагах от стола, скрестив руки на животе в своей закрытой, непроницаемой стойке.

- Вы хотели меня видеть, князь.

Он не стал тратить время на пустые светские прелюдии. Закрыв тяжелую книгу учета, аккуратно отодвинул бронзовую чернильницу и поднял на меня свой темный, препарирующий взгляд. Вопреки моим ожиданиям, в нем не было бушующей ярости.

- Сегодня за ужином Трофим обратился к лакею, - его голос звучал ровно, как размеренный ход напольного хронометра за моей спиной. - Он попросил передать ему графин с водой и уточнить время подачи десерта. Пятнадцать слов подряд. И ни одной запинки.

Я молчала, не выдавая своего торжества.

- Я человек сугубо практический, мадемуазель Рожкова, - продолжил Мирон, медленно откидываясь на высокую спинку кожаного кресла. - Я привык оценивать любые механизмы исключительно по их производительности. Годами лучшие столичные светила рассказывали мне сказки о слабой нерв-

ной конституции наследника. Мой отец требовал армейской муштры и порки. И только вы, появившись в этом доме на прошлой неделе, просто взяли и заставили эту сломанную систему работать. Я не понимаю ваших методов, но я вынужден признать факты. Мой подход был категорически ошибочным.

Я чуть приподняла бровь. Откровение было поистине беспрецедентным. Жесткий, властный промышленник, привыкший ломать людей об колено, только что хладнокровно капитулировал перед объективной реальностью, признав свою педагогическую несостоятельность.

- Это не чудо, ваше сиятельство, - ответила я спокойно, мысленно опуская внутренние щиты. Оружие не требуется там, где нет нападения. - Ваш сын никогда не был сломан. Его нервная система просто адаптировалась к постоянному ожиданию удара. Это физиологический панцирь. Если убрать фактор животного страха и позволить ему дышать животом, его речевой аппарат функционирует безупречно.

- Вы методично перекраиваете архитектуру моего дома, - произнес он задумчиво. - Вы лечите моих слуг. Вы с легкостью вправляете вывихи. А вчера во дворе я имел сомнительное удовольствие слышать, как моя наемная гувернантка рассуждает о пределах текучести уральских сплавов и логистических плечах умнее моих старших инженеров.

Я мысленно прикусила язык. Он все-таки услышал.

- Чтение правильных книг развивает аналитический аппа-

рат, князь, - парировала я абсолютно ровно, не отводя взгляда. - Век меняется. Сталь вытесняет дерево. Было бы глупо оставаться в стороне от прогресса, имея доступ к вашей прекрасной библиотеке.

Его губы тронула едва заметная усмешка. Это был диалектический спарринг двух взрослых, состоявшихся людей. Я отвечала ему его же терминами, не пытаюсь казаться глупее или покорнее, чем я есть. А он слушал, словно изголодался по острому интеллекту в этих покрытых нафталином стенах.

Внезапно Мирон поднялся. Он обошел массивный дубовый стол и неспешно, почти хищно приблизился ко мне. Моя спина рефлекторно выпрямилась. Дистанция между нами сократилась до критической отметки. Я физически ощутила тяжелое тепло, исходящее от его тела, и уловила горьковатый шлейф опиумных капель, которыми он продолжал глушить мигрени.

- Мой дом, - его голос упал на октаву ниже, превратившись в вибрирующий бархат, под которым скрывалась опасная сталь, - это моя территория.

Он сделал еще один медленный полушаг. Я не отступила.

- И я категорически не приемлю, - продолжил Левашов, глядя мне прямо в глаза, - когда чужие купцы приходят на мою землю и начинают проводить публичную оценку моих активов. Наместников обладает звериным чутьем на ценные кадры. Но в этот раз он ошибся домом. Вы работаете на меня. И точка.

Это не было мелкой ревностью ущемленного мужского эго. Это было тяжелое, авторитарное заявление хищника, который обозначал свои неоспоримые права. Его взгляд медленно опустился на мои губы, задержался там на долю секунды и снова поднялся к глазам. Воздух в библиотеке стал неестественно плотным, перенасыщенным искрящимся электричеством.

Мой годами тренированный пульс сорвался с ритма. Я, пятнадцать лет державшая свои эмоции в морозильной камере профессионального цинизма, вдруг почувствовала, как по позвоночнику скользнула горячая волна. Меня фатально тянуло к этому сложному человеку с израненной душой и железным контролем. Разница в сословиях, моя фальшивая личность, другой век - все это сейчас казалось пылью. Были только мужчина и женщина, запертые в одной гравитационной аномалии.

Он чуть склонил голову. Расстояние между нами исчезло почти полностью.

Резкий, требовательный стук в тяжелые двустворчатые двери грубо разорвал натянутую тишину библиотеки.

Наваждение лопнуло мгновенно, словно сброшенное ледяной водой. Мирон резко выпрямился, его челюсть рефлекторно сжалась, возвращая лицу привычное, холодное выражение недоступного хозяина положения. Механизм контроля снова защелкнулся на все замки.

Я сделала шаг назад, машинально одергивая манжеты су-

рового платья и заставляя свои легкие сделать размеренный вдох. Мое лицо снова стало непроницаемой маской.

- Войди, - бросил Левашов ледяным тоном, возвращаясь к своему рабочему креслу.

Дверь приоткрылась. На пороге возник Кузьма. Лицо старого дворецкого, обычно не выражающее ничего, кроме выверенной почтительности, сейчас выдавало крайнюю степень растерянности.

- Прошу прощения, ваше сиятельство. Нежданные гости. Госпожа Есения Умнова изволили пожаловать-с.

Глава 10.

Химия прерванного поцелуя выветривается из крови ровно за три секунды, если в дело жестко вступает базовый инстинкт самосохранения. Мой мозг, годами натренированный на экстренное торможение любых неконтролируемых эмоций, отработал этот спасительный протокол безупречно.

Мирон не отшатнулся от меня, как пойманный с поличным гимназист, и не стал суетливо отводить взгляд. Он просто выпрямился. Я физически ощутила, как вокруг него с неслышным щелчком замкнулась привычная, непробиваемая броня абсолютного контроля. Всего секунду назад в полумраке библиотеки, среди запаха бумажной пыли и оружейной смазки, между нами искрило тяжелое, обжигающее напряжение. А сейчас передо мной снова стоял холодный прагматик, промышленник и хозяин огромной усадьбы, чью закрытую территорию только что бесцеремонно нарушили.

- Синюю гостевую комнату подготовить немедленно, - ровным, сухим тоном распорядился князь, обращаясь к Кузьме, застывшему в дверях. - Растопить камин. Накрыть поздний ужин в малой столовой. Холодное мясо, бульон, сыр - все, что найдете в леднике. И велите мальчишкам на конюшне как следует растереть лошадей.

- Слушаюсь, ваше сиятельство, - дворецкий коротко поклонился и бесшумно исчез в темном коридоре.

Я использовала эту возникшую паузу, чтобы окончательно заземлиться. Сделала медленный, глубокий вдох животом, принудительно возвращая свой пульс в рабочий ритм. Я снова была не женщиной, запутавшейся в собственных противоречивых чувствах, а наемным специалистом. Мы с Левашовым не обменялись ни единым словом о том, что едва не произошло у книжных стеллажей. Он молча указал мне жестом на выход, предлагая следовать за ним, и мы направились в парадный холл встречать нежданную гостью.

Просторный вестибюль первого этажа уже наполнялся запахом сырого морозного ветра, талого снега и концентрированным, сладковатым ароматом тяжелых парижских духов. Есения Умнова вошла в дом Левашовых с той выверенной, интимной грацией, с которой абсолютно уверенная в себе женщина переступает порог особняка, который мысленно уже переписала на свое имя.

Молодой лакей суетливо принял с ее плеч дорожный бархатный салоп, открывая безупречный, облегающий крой темного шелкового платья.

- Мирон Алексеевич, простите мою невольную дерзость за столь поздний визит, - ее голос струился обволакивающим медом, эхом отражаясь от высоких каменных сводов. - Ужасная распутица на тракте, рессоры экипажа едва выдержали эти ухабы. Я просто не могла проехать мимо вашего гостеприимного дома в такую ночь.

Князь ответил ей сухим, формальным приветствием. Он

соблюдал все каноны строжайшего дворянского этикета, но не переходил ту невидимую границу, за которой начинается личная приязнь. Он был безупречным хозяином, предоставляющим кров, но не более того.

Взгляд Есении, скользнув по широким плечам Мирона, закономерно остановился на мне. Это был взгляд опытной хищницы. Механический сканер, методично ищущий уязвимости на чужой территории.

Мой внутренний кризисный диагност включился автоматически, отсекая любые личные эмоции. Я видела перед собой не пугающую светскую львицу девятнадцатого века, а классического, хрестоматийного пациента. Идеально прямая осанка, но плечевой пояс перенапряжен до каменной твердости. Приторная, покровительственная улыбка, за которой пряталась злая, голодная потребность во внимании. Классическая нарциссическая компенсация, порожденная жестокими правилами этого общества, где умная женщина без удачного брака не стоит и ломаного гроша.

Вдова определенно ожидала увидеть забитую гувернантку-бесприданницу. Скромную столичную мышь, которая робко потупит взор при виде ее шелков и бриллиантов. Вместо этого она столкнулась с женщиной, чей взгляд был холоднее и спокойнее хирургической стали. Я не стала изображать ложное подобострашие. Мой ответный кивок был вежливым, коротким и абсолютно профессиональным. Я смотрела ей прямо в глаза, не моргая.

Есению это микроскопическое неповиновение зацепило мгновенно. Тонкая линия ее ухоженных бровей едва заметно дрогнула.

Спустя полчаса мы сидели в малой столовой. Трофима за столом предсказуемо не было - для одиннадцатилетнего ребенка с нестабильной нервной системой ночные бдения категорически противопоказаны, и я еще вечером лично проследила, чтобы мальчик выпил теплого молока и уснул в своих покоях.

Атмосфера в комнате разительно контрастировала с горячим наваристым бульоном, поданным в глубоких фарфоровых тарелках. Воздух звенел от пассивной агрессии. Есения, желая продемонстрировать свою безраздельную власть над домом и восстановить пошатнувшуюся внутреннюю иерархию, начала тонкую игру. Она намеренно игнорировала застывшего у буфета молодого лакея.

- Мадемуазель Рожкова, будьте так любезны, пододвиньте мне соусник, - пропела вдова с ледяной светской улыбкой, отрезая крошечный кусочек мяса. - И налейте чаю. С дороги так пересохло в горле. А у местной прислуги, кажется, сегодня руки вылиты из свинца.

Это был примитивный тест на социальный статус. Попытка низвести наставницу наследника до уровня лакея, заставить меня публично прислуживать ей за общим столом.

В глупом бульварном романе героиня в этот момент должна была бы побледнеть, закусить губу от горькой обиды или

бросить на князя умоляющий взгляд. Но в моей прошлой жизни в мой кабинет заходили жены олигархов и властные чиновницы, которые пытались самоутвердиться за мой счет сотнями куда более изощренных способов.

Я не испытала ничего, кроме профессиональной скуки. Взяв тяжелый серебряный чайник, я с абсолютно мертвым, стерильным спокойствием процедурной медсестры наполнила тонкую чашку госты. Я передала ей соусник плавным, выверенным движением. Мое лицо оставалось непроницаемой маской. Отсутствие любой эмоциональной реакции - обиды, злости или смущения - ломает кайф манипулятора надежнее любого открытого скандала. Невозможно унижить того, кто внутренне не согласен принимать это унижение.

Есения раздраженно поджала губы. Ее тактика не сработала. Поняв, что об мою выдержку можно сломать зубы, она сменила вектор атаки, перейдя к интеллектуальному допросу.

- Как вы находите нашу провинциальную глушь после блистательной столицы, Клара? - ее тон стал острее, в нем зазвучал плохо скрываемый яд. - Наверное, невыносимо скучно возиться с чужим отпрыском в этой ужасной весенней распутице? Я слышала от дворовых, вы позволяете мальчику пачкать руки в речной глине. Весьма... оригинальный педагогический прием для благородного дома. Вы не боитесь, что ребенок заразится какой-нибудь крестьянской хворью?

Я аккуратно промокнула губы льняной салфеткой и по-

смотрела на нее сквозь золотистое пламя свечи.

- Работа с мелкой моторикой через тактильное сопротивление вязких материалов напрямую стимулирует те участки коры головного мозга, которые отвечают за речевой аппарат, сударыня, - ответила я безупречно вежливым, академическим тоном. - Еще двадцать лет назад французский хирург Поль Брока математически доказал локализацию речевого центра. А господин Вернике дополнил его труды. Грязь на руках легко смывается простым карболовым мылом. А вот мышечный спазм гортани, вызванный стрессом, требует глубокого клинического подхода, опирающегося на анатомию, а не на зазубривание французских стишков.

Тишина, повисшая над столом, была почти оглушительной. Есения несколько раз непонимающе моргнула, пытаясь переварить незнакомые фамилии светил европейской медицины и пугающую терминологию.

Мирон сидел во главе стола. Он пил свой черный, крепкий кофе и не произносил ни слова. Он не бросался меня защищать и не пытался осадить Есению. В его глубоко посаженных темных глазах я ясно видела холодный, острый блеск истинного удовольствия. Князь наблюдал за нами как инженер на испытательном полигоне. Ему нравилось смотреть, как декоративная сталь светских интриг с глухим лязгом отскакивает от монолитного титанамоей профессиональной выдержки.

Поздний ужин подошел к концу. Есения, прекрасно осо-

зная, что в словесной и логической дуэли она терпит сокрушительное фиаско, решила бить наверняка. Бить по тем навыкам, которыми обязана была владеть любая выпускница института благородных девиц ее эпохи.

По предложению хозяина мы перешли в малую гостиную, где царил уютный полумрак, разгоняемый лишь потрескивающим пламенем в камине. Взгляд вдовы мгновенно зацепился за массивный полированный рояль, стоящий в углу комнаты. В ее глазах блеснуло искреннее торжество хищника, загнавшего свою добычу в капкан.

- Мирон Алексеевич, в Петербурге нынче так модны домашние музыкальные вечера, - фальшиво-восторженно воскликнула она, поворачиваясь к князю и картинно всплескивая руками. - Уверена, мадемуазель Рожкова, с ее-то потрясающим европейским образованием и знанием медицины, с легкостью порадует нас сложной партитурой.

Есения медленно развернулась ко мне. Ее улыбка стала похожа на тонкий разрез бритвой.

- Ведь ни одна приличная столичная наставница не посмеет отказать гостя в такой малости? Вон те ноты Шопена, думаю, вполне подойдут для начала.

Я посмотрела на тяжелую, лакированную крышку инструмента. Отказаться - значило грубо нарушить субординацию, расписаться в собственной абсолютной профнепригодности и вызвать у Левашова вполне закономерные подозрения в правдивости моей личности.

Мои руки умели делать очень многое. Я могла завести остановившееся сердце подростка, купировать острую паническую атаку, хладнокровно препарировать вредителя и вправить выбитый сустав взрослому, тяжелому мужчине. Но мои пальцы, всю жизнь привыкшие к пластиковой клавиатуре ноутбука и медицинским инструментам двадцать первого века, совершенно не умели играть на фортепиано. Я не знала ни одной ноты.

Ловушка Есении Умновой захлопнулась с идеальной, безжалостной точностью. Она замерла, предвкушая мой публичный позор, жалкие, сбивчивые оправдания или слезы унижения.

Я сделала медленный, ровный вдох. Перевела взгляд с рояля на Мирона, который внимательно, с легким прищуром наблюдал за мной из своего кресла, а затем посмотрела прямо в сияющие торжеством глаза столичной вдовы.

- Извольте, сударыня, - произнесла я абсолютно спокойным, ровным голосом, делая первый шаг к инструменту. - Я сыграю.

Глава 11.

Физиология человека - механизм безжалостный, прямолинейный и предельно честный. Мышечная память не терпит компромиссов и никогда не прощает иллюзий. Можно сколько угодно убеждать себя в собственной выдержке, но тело всегда помнит только то, чему его учили годы ежедневной, изматывающей практики. Я смотрела на холодные, идеально гладкие клавиши массивного полированного рояля, ощущая тонкий, въедливый запах дорогой древесной мастики, и совершенно четко, с клинической ясностью осознавала масштаб предстоящей мне катастрофы.

Нейронные связи в моем мозге были надежно запрограммированы на совершенно иные алгоритмы. Мои кисти обладали слепой, инстинктивной точностью, когда дело касалось набора сотен знаков в минуту на пластиковой клавиатуре рабочего ноутбука. Мои пальцы ни разу не дрогнули, когда мне приходилось накладывать жесткие медицинские шины на переломанные суставы, вскрывать гнойники, отмерять спасительные миллиграммы мощных препаратов в условиях тотального стресса или проводить непрямой массаж остановившегося сердца. Но они были абсолютно, тотально слепы к партитуре Фредерика Шопена, которую Есения Умнова только что с торжествующей, хищной улыбкой водрузила на резной пюпитр инструмента.

Я ровно, не выказывая ни капли внутреннего напряжения, положила ладони на клавиатуру. Сделала короткий, контролируемый вдох, отсекая лишние эмоции, и с силой опустила пальцы.

Пространство малой гостиной мгновенно наполнилось режущим слух, тяжелым диссонансом. Звук получился откровенно неуклюжим, с полностью разрушенным ритмом, потерянной тональностью и фатальной глухотой аккордов. Это даже отдаленно не было похоже на трогательную, милую неопытность юной институтки, от волнения позабывшей нужный пассаж. Это было безоговорочное, оглушительное и совершенно объективное музыкальное фиаско взрослого человека, который просто не владеет механикой извлечения музыки.

Вдова удовлетворенно, с грацией сытой пантеры, откинулась на спинку своего бархатного кресла. В уютном полумраке комнаты, разгоняемом лишь неровным, пульсирующим светом каминного пламени, ее лицо светилось искренним, ничем не прикрытым предвкушением затянувшейся публичной казни. Она поймала меня в идеальный сословный капкан и теперь расслабленно ждала закономерной реакции жертвы.

В моем прежнем времени, в кабинете кризисной терапии, я сотни раз наблюдала, как люди ломаются под непомерным давлением собственного стыда. Начинают суетливо оправдываться, краснеть до корней волос, заламывать руки, пытаться перевести неловкость в глупую, жалкую шутку или,

что еще хуже, продолжают упрямо совершать ошибку, погружаясь в пучину унижения с каждой новой фальшивой нотой.

Я не стала доводить ситуацию до откровенного балагана. Мой внутренний протокол защиты сработал быстрее, чем Есения успела открыть рот для первой насмешки. Я хладнокровно убрала руки с клавиш, медленно взялась за тяжелую лакированную крышку рояля и плавно опустила ее вниз. Глухой, безапелляционный стук дерева обрубил повисшую под потолком уродливую мелодию, словно отсек ее гильотиной.

- О, как это невыразимо прискорбно, - голос Есении исходил густой, ядовитый мед фальшивого светского сочувствия. Она изящно, с театральным сожалением взмахнула краем сложенного веера, глядя на меня сверху вниз. - Признаться честно, я ожидала куда большего от хваленной столичной наставницы, которую Мирон Алексеевич так неосмотрительно допустил к своему наследнику. Неужели в нынешних пансионах Петербурга настолько пали стандарты благородного воспитания? Или вы, мадемуазель Рожкова, обучались изящным искусствам где-нибудь в глухих провинциальных лесах, раз не способны развлечь общество даже базовым, простейшим этюдом? Право слово, это ставит под весьма серьезное сомнение всю вашу... компетенцию. И ваше право находиться в этом доме.

Я неторопливо поднялась с банкетки. Мой пульс оставал-

ся абсолютно ровным, физиологические показатели не сбились ни на долю секунды. Когда на тебя нападает опытный манипулятор с ярко выраженной нарциссической акцентуацией, главное и единственное правило выживания - никогда не играть на его поле. Не пытаться защищаться теми же методами. Нужно полностью, безжалостно менять саму систему координат, выбивая у противника почву из-под ног.

- Le vide intérieur de la société mondaine ne peut être comblé par la mémorisation mécanique des notes, madame, - произнесла я, глядя прямо в ее сияющие торжеством глаза.

Мой французский не имел абсолютно ничего общего с тем щебечущим, манерным салонным диалектом, к которому привыкла столичная аристократия девятнадцатого века. Это был сложный, тяжеловесный и безупречно точный академический язык европейских университетов, выученный мной для работы с передовыми первоисточниками по психоанализу и медицине. Язык научной элиты, не терпящий легкомыслия.

Есения чуть подалась вперед. Тонкая линия ее ухоженных бровей непонимающе дрогнула. Она, безусловно, распознала язык, но мгновенно, с первой же секунды потеряла смысл сказанного из-за сложного синтаксиса и тяжелой философской терминологии.

Я не позволила ей перебить себя, симитировать скуку или попытаться перевести тему. Я продолжала говорить с ледяной, хирургической четкостью, медленно шагая в центр ком-

наты и буквально придавливая ее своим интеллектуальным превосходством:

- Как абсолютно справедливо замечал в своих трудах ме-
сье Артур Шопенгауэр, большинство людей подобны меха-
ническим куклам, которые лишь повторяют заученные дви-
жения, совершенно не вникая в их суть. Навык извлекать
звуки из деревянного ящика с помощью заученной комби-
нации молоточков и струн - это прекрасная, успокаивающая
иллюзия образования для праздных умов. Доступный спо-
соб заполнить пугающую тишину собственного невежества.
Однако мы с вами стоим на пороге нового, железного века,
сударыня. Эпоха кружев и салонных вздохов умирает прямо
сейчас, под стук паровых турбин.

Я остановилась в двух шагах от ее кресла, заставляя вдову
физически вжаться в спинку.

- И когда этому новому, жестокому миру потребуется
экстренно остановить артериальное кровотечение, чтобы не
дать человеку умереть от болевого шока, или математически
рассчитать предел текучести металла, чтобы спасти тяжелый
мост от обрушения, ваше изящное умение играть Шопена
окажется абсолютно, фатально бесполезным. Истинный, жи-
вой интеллект измеряется способностью понимать законы
физиологии, логики и сопромата, а не скоростью перебира-
ния клавиш. Вы упрекаете меня в незнании нот, Есения. Но
я знаю, как устроена жизнь и по каким правилам работает
смерть. А это, согласитесь, куда более ценный капитал для

воспитания будущего владельца крупнейшей сталелитейной империи, чем умение бренчать на потеху гостям.

Интеллектуальная гильотина сработала с безупречной, пугающей эффективностью. Тишина, опустившаяся на малую гостиную, стала плотной и тяжелой, как застывший чугун. Снисходительная улыбка медленно сползла с красивого лица вдовы, обнажив глубокую растерянность и острую, злую беспомощность. Мой удар был нанесен в рамках безукоризненного этикета, я не произнесла ни одного бранного слова, но Есения выглядела именно тем, кем и являлась - необразованной, поверхностной женщиной, безнадежно запутавшейся в смыслах, которые ее разум просто не мог охватить.

Только сейчас я позволила себе перевести взгляд от поверженной соперницы в темный, утопающий в глубоких тенях угол комнаты.

Князь Левашов все это время находился там. Он сидел в глубоком кожаном кресле, вытянув длинные ноги к каминной решетке, и сохранял абсолютное молчание, не делая ни малейшей попытки вмешаться в происходящее. Он не пытался защитить меня как покровительственный хозяин дома, позволяя нам самостоятельно разыграть эту партию до логического конца.

В тусклом, колеблющемся свете пламени я видела жесткую, рубленую линию его челюсти и темные глаза, в которых сейчас не было ни единой капли светского сочувствия к го-

стве. Зато на его губах играла откровенная, опасная и бесконечно довольная усмешка.

Мирон смотрел на меня не как снисходительный аристократ на дерзкую прислугу. И уж тем более не как мужчина, ослепленный внезапным плотским влечением. Это был чистый, концентрированный взгляд инженера-прагматика, который только что с глубоким удовлетворением зафиксировал, как выбранный им механизм блестяще выдержал критическую перегрузку. Он наслаждался моей прочностью. Ему доставляло почти эстетическое удовольствие то, как изящно, методично и жестоко я растоптала дешевую интригу вдовы, используя в качестве оружия исключительно собственный разум.

Осознав свое тотальное, публичное и совершенно неоспоримое поражение, Есения сделала единственный доступный ей в этой ситуации тактический ход. Она судорожно, с показным страданием прижала тонкие пальцы к вискам, демонстрируя внезапную, непреодолимую слабость организма.

- Эта ужасная дорога... она совершенно вымотала меня, - пробормотала вдова уже по-русски, нервно и зло комкая шелковую ткань на коленях. Ее голос неприятно дрожал от сдерживаемой ярости, которую она не могла выплеснуть открыто, не потеряв лица. - У меня началась чудовищная мигрень. Ваши пространные философские рассуждения слишком специфичны и утомительны на ночь глядя, Клара. Мирон Алексеевич, я вынуждена просить вас немедленно по-

звать прислугу. Мне нужно пройти в Синюю комнату и лечь.

Хозяин усадьбы не проронил ни слова. Он лишь коротко, сухо кивнул и дернул бархатный шнур сонетки, вызывая дежурного лакея.

Когда за гостьей, не удостоившей меня даже формальным прощальным кивком, плотно закрылась тяжелая дубовая дверь, пространство малой гостиной словно мгновенно сжалось в размерах. Атмосфера изменилась с пугающей скоростью.

Мы остались абсолютно одни. Воздух между нами за секунду наполнился тем самым густым, искрящимся напряжением, которое едва не сожгло наши социальные барьеры несколько часов назад у книжных стеллажей в библиотеке. Я кожей чувствовала исходящую от князя подавляющую, темную энергетику крупного хищника, который наконец-то дождался момента, когда с его личной территории уберутся раздражающие посторонние элементы.

Оставаться здесь дольше, играть с этим огнем в тишине спящего дома было откровенно небезопасно. Мой выверенный план автономного выживания в девятнадцатом веке не подразумевал подобных эмоциональных срывов.

- Покойной ночи, ваше сиятельство, - произнесла я сухим, стерильным тоном процедурной сестры, четко обозначая границы и дистанцию.

Я не стала дожидаться его ответа, не ждала похвалы или разрешения уйти. Развернулась и целенаправленно направи-

лась к выходу из комнаты. Я шла ровным, размеренным шагом человека, абсолютно уверенного в каждом своем движении, но моя спина предательски горела. Я физически ощущала его тяжелый, прожигающий насквозь взгляд, который сопровождал меня до самого порога уходящего во тьму коридора. И это молчаливое, вибрирующее давление было красноречивее и опаснее любых слов.

Глава 12.

Тщеславие - самый быстрый и надежный способ пустить ко дну любую, даже гениально выстроенную агентурную легенду.

Я шла по неосвещенной, продуваемой весенними сквозняками анфиладе второго этажа, крепко сжимая в правой руке тяжелый бронзовый подсвечник. Пламя единственной толстой свечи нервно металось от гуляющего под высокими сводами ветра, выхватывая из густого мрака фрагменты суровых темных обоев, потемневший паркет и тусклое золото старых картинных рам. Мой мозг кризисного переговорщика, только что вышедший из режима экстренной интеллектуальной обороны в малой гостиной, работал сейчас с безжалостной, ледяной ясностью, хладнокровно препарируя мою собственную ошибку.

Я выиграла битву с Есенией Умновой. Я изящно, не нарушая дворянского этикета, размазала светскую вдову по полу, защитив свои личные границы и достоинство. Но цена этой локальной победы оказалась фатальной для моей стратегии выживания. Мой академический французский, тяжеловесные цитаты из Шопенгауэра и специфические рассуждения о физиологии окончательно и бесповоротно уничтожили образ скромной, забитой столичной мыши Клары Рожковой. Я поддалась эмоциям. Позволила гордыне и чувству интеллек-

туального превосходства взять верх над базовым инстинктом самосохранения, и теперь последствия этой непозволительной слабости не заставят себя ждать.

На фоне резкого отката адреналина тело немедленно предъявило свой счет. Левое плечо, травмированное в первый же день падающим дубовым стеллажом и жестоко перенапряженное во время вправления сустава конюху, отозвалось тупой, вязкой болью. Она тянулась по воспаленным связкам вплоть до самого локтя, напоминая о том, что я нахожусь не в виртуальной симуляции, а в суровой физической реальности девятнадцатого века. Я невольно поморщилась, поправив свободной рукой глухой воротник своего нового темно-коричневого суконного платья. Ткань казалась неподъемной, словно рыцарский доспех, сковывая движения, но она отлично скрывала мою физическую усталость и защищала от промозглого холода каменного дома.

До моей спальни оставалось не больше дюжины шагов. Коридор здесь заканчивался тупиком с глубокой, утопленной в стену оконной нишей. За двойными, мутными стеклами бесновался сырой мартовский ветер, с глухим стуком раскачивая голые, влажные ветки старого сада.

Я уже протянула руку к кованой дверной ручке, когда густая, непроницаемая тень в нише внезапно пришла в движение.

Из мрака шагнул Мирон Левашов.

В моей голове не возникло ни капли мистического ужа-

са. Никакой бульварной телепортации или призрачных появлений. Разум моментально выстроил логическую, железную цепочку: князь не пошел в свой кабинет после того, как Есения удалилась с фальшивой мигренью. Он, как инженер, досконально знающий архитектуру и планировку собственного дома, просто поднялся по крутой черной лестнице для слуг, срезал угол и намеренно ждал меня здесь, в слепой зоне коридора, куда не проникал свет ламп.

Он не произнес ни слова приветствия. Просто сделал два широких, тяжелых шага вперед, физически оттесняя меня от спальни и загоняя спиной в холодный, обшитый деревом угол оконной ниши. Это не было нападением в прямом смысле слова - он не поднимал рук и не пытался меня ударить. Его подавляющая сила выражалась в жестком, безапелляционном нарушении моего личного пространства.

Я уперлась лопатками в резные панели. Пламя моей свечи дернулось, осветив его лицо: рубленые черты, глубоко посаженные темные глаза и плотно сжатую челюсть, под кожей которой отчетливо перекачивались напряженные желваки. От плотного сукна его безупречного сюртука ощутимо тянуло морозным воздухом, крепким трубочным табаком и той самой въедливой, горьковатой нотой опиумных капель, которыми он продолжал глушить свои хронические мигрени.

- Вы слишком увлеклись процессом, мадемуазель, - голос Левашова прозвучал неестественно тихо, на октаву ни-

же его обычного властного баритона. В этом вибрирующем полупшепote лязгал голый, индустриальный металл. Сейчас со мной говорил не снисходительный аристократ, нанявший прислугу. Со мной говорил хищник и хозяин империи, обнаруживший в своем механизме чужеродную, смертельно опасную деталь.

Я не отвела взгляд, мысленно запуская технику квадратичного дыхания, чтобы выровнять пульс и не позволить грудной клетке вздыматься слишком часто.

- Вы ни разу не упали в обморок, - Мирон оперся левой рукой о стену прямо над моим плечом, лишая меня малейшей физической возможности выскользнуть. Нас разделяло не больше десяти сантиметров. - Вы препарируете мертвую крысу с хладнокровием палача. Вы на глаз определяете предел текучести уральских сплавов и критикуете логистику моих угольных поставок, стоя по колено в грязи на хозяйственном дворе. Вы используете крепчайший полынный дистиллят как миорелаксант, чтобы вправить сустав дворовому мужику, используя метод античных костоправов. А сегодня...

Он чуть наклонил голову. Его глаза превратились в две сканирующие, испепеляющие щели, пытающиеся вскрыть мой череп и прочитать мысли.

- А сегодня вы цитируете Шопенгауэра на французском диалекте профессуры Сорбонны, хладнокровно рассуждая об артериальных кровотечениях. Вы блестяще, как опытный дуэлянт, растоптали Есению. Но вы забыли одну важную

вещь. В моем доме нет слепых.

Я продолжала хранить ледяное молчание. Начинать оправдываться сейчас было бы верхом непрофессионализма. Любая новая ложь о «прогрессивных курсах для гувернанток» разобьется в пыль о его безжалостную, мужскую логику.

Внезапно Мирон сделал то, чего я совершенно не ожидала от человека его эпохи и статуса. Он перехватил мою свободную левую руку. Движение было резким, точным, но без попытки причинить физическую боль. Он просто зафиксировал мою кисть в своей крупной, по-настоящему горячей ладони.

Я инстинктивно дернулась, но его хватка оказалась подобна стальным тискам.

- Смотрите, - жестко приказал князь.

Он провел шершавой подушечкой своего большого пальца по фалангам моего указательного и среднего пальцев. Это не было романтическим жестом или попыткой соблазнения. Это была судебномедицинская экспертиза в исполнении прагматика.

- Кожа гладкая. Никаких следов, - констатировал Левашов с холодной удовлетворенностью инженера, нашедшего программный сбой. - У настоящей гувернантки-бесприданницы, которая живет на крошечное жалованье и не имеет прислуги, пальцы неизбежно исколоты иглой. Они покрыты жесткими, застарелыми мозолями от штопки собственного белья по ночам. Ваши руки никогда не знали черной рабо-

ты. Они знают книги, дорогие перья и, возможно, скальпели. Вы не Клара Рожкова. Ваша легенда - это дешевая, скверно сшитая фальшивка.

Моя профессиональная броня дала первую, невидимую глазу трещину. Я физически ощущала тяжелое тепло его тела. В тесном, промерзшем пространстве ниши воздух стал густым, перенасыщенным предгрозовым электричеством. Леденящий страх неминуемого разоблачения дико, неправильно смешался с темной, иррациональной тягой к этому сложному мужчине. Он был единственным в этом проклятом девятнадцатом веке, кто оказался способен прочесть меня как открытую книгу.

- Кто ваш хозяин? - Мирон подался еще ближе. Его прерывистое дыхание коснулось моей щеки, заставив мелкие волоски на затылке встать дыбом. - От чьего имени вы ведете игру на моей земле? Это Наместников прислал вас, чтобы выкрасть чертежи моста? Или вы из тех одержимых бомбисток-радикалок, что спят и видят, как бы пустить под откос мои фабрики? Но зачем тогда политической убийце лечить моих слуг и спасать психику моего наследника? Уравнение не сходится.

Я понимала, что балансирую на самом краю пропасти. Одно неверное движение, один срыв в эмоции - и завтра утром я окажусь в кандалах уездного исправника.

Вместо того чтобы биться в истерику, умолять о пощаде или клясться в невиновности, я выбрала единственное ору-

жие, перед которым пасуют даже самые агрессивные следователи. Тотальное, мертвое молчание. Я смотрела прямо в его горящие яростью глаза тем самым пустым взглядом кризисного переговорщика, которым сотни раз останавливала обезумевших людей от шага с крыши. Мое лицо превратилось в непроницаемую гипсовую маску.

Князь ждал. Секунды падали в тишину коридора, как капли расплавленного свинца. Он искал в моих глазах страх пойманной шпионки, суетливую панику или спасительные слезы женского раскаяния. Но не находил ничего, кроме титановой плиты.

Как блестящий стратег, Левашов довольно быстро осознал, что силой, криком или запугиванием из меня не выбить ни слова правды. Ему нужны были неоспоримые факты, документы, а не мои слова, которым он все равно больше не поверит.

Он медленно, словно нехотя, разжал пальцы, выпуская мою руку. Плавно отстранился, возвращая мне необходимое пространство для вдоха. Жесткая маска подавляющего, холодного хозяина снова скрыла все эмоции на его породистом лице.

- Я человек науки, сударыня, - произнес он ровным, лишенным всяких интонаций голосом, от которого по спине поползли мурашки. - Я привык верить только задокументированным фактам. И я их получу. Я выверну ваше прошлое наизнанку. Каждую вашу ложь. Каждую тайну. И когда до-

казательства лягут мне на стол, вам лучше самой прийти в мой кабинет и умолять меня о снисхождении.

Князь не стал ждать моего ответа. Он резко развернулся на каблуках и зашагал прочь по длинному коридору, растворявшись в темноте.

Я осталась стоять в оконной нише совершенно одна. Моя фальшивая личность была уничтожена, негласный приговор вынесен, и теперь это была лишь голая математика времени - как скоро его наемные ищейки выяснят, что настоящая Клара Рожкова бесследно испарилась на просторах империи, а в усадьбе живет призрак без прошлого и имени.

Глава 13.

Латынь - мертвый язык, не терпящий суеты. В отличие от времени, которое у меня стремительно заканчивалось.

- Окончания третьего склонения требуют механического запоминания, Трофим, - мой голос звучал ровно и сухо, резонируя от высоких, покрытых микроскопическими трещинами сводов классной комнаты. - Никаких догадок. Только жесткая структура. Запиши исключения и переведи следующий абзац.

Мальчик послушно склонил голову над тетрадью. Скрип стального пера по плотной бумаге действовал успокаивающе, создавая хрупкую иллюзию нормальности. За последние дни Трофим сделал колоссальный рывок: его плечи развернулись, а дыхание стало глубже. Но мой мозг кризисного переговорщика уже давно покинул это помещение. Всю ночь, глядя в темный потолок своей спальни, я препарировала вчерашнюю стычку в коридоре.

Я физически помнила жесткую хватку Левашова на своем запястье и его пронизывающий, сканирующий взгляд. Князь искал следы застарелых мозолей от иголки на моих пальцах, а нашел несоответствие, которое разрушило мою легенду до основания. Инженерный, прагматичный разум Мирона зафиксировал программный сбой. Угроза вывернуть мое прошлое наизнанку не была пустой бравадой разгневанного

аристократа - это был четкий алгоритм действий человека, привыкшего защищать свою империю любыми доступными средствами. И он начал действовать еще до нашей открытой конфронтации.

Травмированное левое плечо пульсировало вязкой, тупой болью, отдавая глубоко под лопатку. Вчерашнее усилие во время вправления сустава молодому конюху не прошло даром, а холодная ночь в промерзшей комнате лишь усилила воспаление связок. Я незаметно потеряла предплечье поверх плотного, тяжелого сукна темно-коричневого платья. Ткань, которую я вытребовала у экономки взамен испорченных юбок, стояла колом, словно рыцарский доспех, сковывая движения, но именно этот аскетичный наряд помогал мне держать внутренний каркас.

Мерный скрип пера внезапно потонул в глухом, нарастающем шуме, донесшемся с первого этажа. В строгом доме Левашовых, где прислуга передвигалась почти бесшумно, любые громкие звуки в утренние часы были маркером экстраординарного события. Сквозь толстые дубовые перекрытия пробился лязг тяжелых парадных дверей, топот грубых сапог по камню и чьи-то резкие, требовательные голоса.

- Продолжай писать, - я остановила Трофима, который тревожно вскинул голову и выронил перо, оставив на листе уродливую чернильную кляксу. - Я возьму в библиотеке словарь и скоро вернусь. Из-за стола не вставать.

Выйдя из классной комнаты, я прикрыла за собой дверь и

направилась к открытой деревянной галерее второго этажа, опоясывающей просторный вестибюль. В нос сразу ударил смешанный запах талого снега, конского пота и сырой кожи.

Внизу царила сдержанная, но крайне напряженная суэта. На мраморном полу, оставляя грязные лужи от растаявшего снега, переминался с ноги на ногу измотанный, красный от ветра станционный курьер. Его тулуп покрывала тонкая ледяная корка. Дворецкий Кузьма, сохраняя вымуштрованную прямую спину, принимал из рук посыльного пухлый пакет из плотной желтоватой бумаги. На конверте зловеще алели несколько тяжелых сургучных печатей.

Мой взгляд моментально выхватил еще одну деталь, заставившую внутренний таймер ускорить отсчет. У подножия парадной лестницы стояла Есения Умнова.

Вдова была облачена в роскошный дорожный салоп из темного бархата, отороченный серебристым мехом. Молодая горничная суетливо поправляла складки на ее шелковом платье, а лакеи уже выносили за двери небольшие саквояжи. Есения покидала усадьбу.

Я подошла к резным перилам галереи, оставаясь в спасительной полутени. Умнова медленно подняла голову, словно точно знала, в какой точке пространства меня искать. Наши взгляды скрестились в холодном, стылom воздухе холла.

В ее глазах не было вчерашней ядовитой насмешки или злобы уязвленного самолюбия, когда я публично унизила ее интеллектуально. Там горело чистое, кристальное торжество

хищницы, чей капкан только что захлопнулся с оглушительным хрустом. Она не стала бросать мне напоследок пошлых фраз или театрально указывать пальцем. Есения действовала по классическим канонам серого кардинала: нанесла удар чужими руками и теперь грациозно покидала поле боя до того, как на нем прольется кровь и разразится некрасивый скандал. Вдова лишь чуть заметно, издевательски склонила голову в знак прощания, повернулась к дверям и плавно шагнула в морозное утро.

Пакет, который держал в руках Кузьма, был не деловой почтой со сталелитейного завода. Это был приговор, доставленный из уездного города или самой столицы.

Я вернулась в классную комнату ровным, размеренным шагом. Эмоции в кризисной ситуации - это непозволительная роскошь, ведущая к фатальным ошибкам. Я села за стол напротив Трофима и методично проверила написанный им текст, машинально исправляя неправильные падежные окончания, словно мир вокруг не рушился прямо сейчас.

Прошло не больше десяти минут. Дверь распахнулась без стука. Для соблюдающего жесткую субординацию дома это было равносильно вою корабельной сирены.

На пороге стоял Кузьма. Лицо старого дворецкого приобрело землисто-серый оттенок, глубокие морщины вокруг рта залегли резкими, болезненными тенями. Он остановился в двух шагах от моего стола, но смотрел куда-то в сторону, усердно избегая прямого зрительного контакта. Я виде-

ла, как тяжело ему дается эта миссия. Человек, которому я вернула способность нормально ходить без ревматических болей, сейчас выступал в роли конвоира. Многолетняя преданность роду Левашовых предсказуемо перевесила личную благодарность к безымянной гувернантке.

- Мадемуазель Рожкова, - голос Кузьмы звучал сухо, казенно, но в нем отчетливо вибрировало скрытое напряжение.

- Его сиятельство требуют вас в свой кабинет. Сей же час.

Я не стала задавать пустых вопросов или изображать оскорбленную невинность. Медленно закрыла учебник латыни, аккуратно сложила стопку проверенных тетрадей на краю столешницы.

- Трофим, перепиши этот абзац набело. Следи за осанкой и не забывай дышать животом, - я посмотрела на мальчика, стараясь вложить в свой тон максимум обыденности, чтобы не спровоцировать у него спазм. - Я скоро вернусь.

Выйдя в коридор, я оставила дворецкого позади. Дорога через длинную анфиладу первого этажа показалась мне бесконечной. Пространство старой усадьбы давило на плечи невидимым прессом. Мимо проплывали суровые темные обои, портреты людей с тяжелыми челюстями, тускло поблескивала бронза массивных канделябров. Температура воздуха заметно падала по мере приближения к северному крылу дома.

Я перевела мозг в режим протокола экстренного торможения. Чтобы подавить неизбежный выброс кортизола и вы-

ровнять сердцебиение, я запустила технику квадратичного дыхания. Вдох на четыре счета. Задержка. Выдох на четыре счета. Задержка. Механика тела, натренированная годами работы в кризисном центре, подчинилась расчету. Пульс, отчаянно бившийся в основании шеи, замедлился до приемлемых значений.

Бежать мне было некуда. За окнами - километры раскисшего весеннего тракта, промерзлый лес и чужой, безжалостный век. У меня нет ни документов, ни денег, ни союзников. Отрицать очевидное перед инженером, который опирается на материальные улики, - значит расписаться в собственной глупости. Мне предстоит встреча с человеком, который не подвержен сантиментам. Значит, я буду защищаться его же оружием.

Тяжелые двустворчатые двери хозяйского кабинета возвышались в конце коридора как врата инквизиции. Я не стала стучать. Просто толкнула прохладную латунную ручку и переступила порог.

Воздух внутри был плотным. Он густо пах хорошим табаком, морозной свежестью от бумаг и специфическим, едким ароматом вскрытого сургуча.

Мирон Левашов не метал громы и молнии. Не крушил мебель и не рвал чертежи в приступе ярости, как поступил бы истеричный злодей из бульварных романов. Он стоял у массивного дубового стола, заложив руки за спину. Безупречно одетый в темный сюртук, внутренне собранный, с пугающе

прямой выправкой кадрового офицера.

Его лицо было похоже на гранитный слепок. Жесткая линия челюсти напряжена до предела, глубоко посаженные глаза потемнели, превратившись в две бездонные, непроницаемые воронки. В этом взгляде не осталось ни капли обжигающего напряжения, которое искрило между нами прошлой ночью. Это был взгляд хищника, проводящего инвентаризацию перед казнью.

Я остановилась в трех шагах от стола, скрестив руки на животе в своей закрытой стойке переговорщика.

В кабинете стояла тяжелая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем старинных напольных часов.

Мирон не отрывая от меня глаз, высвободил правую руку. На гладкой полированной поверхности стола лежал разорванный сургучный конверт, телеграфный бланк и плотная картонная фотокарточка. Князь поставил два крупных пальца на край фотографии и сухим, скользящим движением сдвинул ее по столешнице в мою сторону.

Я опустила взгляд. Это был стандартный кабинетный портрет, сделанный в модном петербургском фотоателье. Копия из личного дела, которую расчетливый Мирон, судя по всему, затребовал из столичного агентства гувернанток еще несколько дней назад. На фоне нарисованного парка стояла миловидная, слегка полноватая молодая женщина в легкомысленном кружевном платье. Она кокетливо улыбалась в объектив. На обороте карточки, отражаясь в лаке стола, вид-

нелась официальная круглая печать.

Ничего общего с женщиной, стоящей сейчас перед столом в глухом сукне и с мертвым взглядом врача.

Доказательства были неоспоримы. Математика сыскного дела сработала с безупречной точностью, а утренняя телеграмма, несомненно, подтверждала, что владелица этого пухлого лица благополучно отбыла в Европу с гусарским полком.

Я подняла голову, готовясь принять удар, но князь не стал задавать вопросов с места. Он молча обошел стол. Каблуки его сапог отбивали по паркету четкий, размеренный ритм, словно удары метронома, отсчитывающего последние секунды моей фальшивой жизни в этой усадьбе.

Мирон прошел мимо меня, обдав тяжелым шлейфом оружейной смазки и опиума. Он приблизился к высоким двустворчатым дверям, за которыми остался внешний мир. Его рука легла на массивный кованый ключ, торчащий в замочной скважине.

Раздался громкий, лязгающий звук. Запорный механизм сухо щелкнул, намертво отрезая меня от коридора. Путь к отступлению был ликвидирован физически.

Левашов неспешно развернулся. Он подошел вплотную, намеренно вторгаясь в мое личное пространство, возвышаясь надо мной непреодолимой темной скалой. В воздухе заискрило от концентрированной угрозы.

- А теперь, сударыня, - его голос прозвучал неестественно

тихо, в нем не было ни крика, ни надрыва, только голая, безжалостная констатация факта человека, загнавшего добычу в угол. - Вы расскажете мне всё. Кто вы такая, и зачем вы проникли в мой дом, чтобы уничтожить мою семью?

Глава 14.

В кризисной психологии существует негласный, намертво вбитый в подкорку профильный протокол работы с вооруженным агрессором. Если тебе приставили дуло к виску, не пытайся суетливо доказывать человеку, что его пистолет не заряжен. Никогда не отр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.